ЭЛИЗАБЕТ ХОЙТ

Скандальные наслаждения

ШАРМ

Элизабет Хойт
Скандальные наслаждения
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8914758
Скандальные наслаждения : [роман] / Элизабет Хойт : АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-147084-5

Аннотация

Красавица Геро Баттен, безупречная леди лондонского света, готовится стать супругой столь же безупречного, хотя и безумно скучного маркиза, но однажды встречает его младшего брата, знаменитого повесу Гриффина Реммингтона, лорда Рединга…

Гриффина уж никак не назовешь безупречным: скандальная слава, буйные проказы, необузданный нрав. Что общего у такого человека с благовоспитанной девицей? Однако очень скоро Геро и Гриффин, постоянно ведущие словесную дуэль, вынуждены признать: они безумно влюблены друг в друга и от этой любви никуда не скрыться…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 25
Глава 3 51
Глава 4 78
Глава 5 106
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Элизабет Хойт
Скандальные наслаждения

Elizabeth Hoyt
NOTORIOUS PLEASURES
© Nancy M. Finney, 2011
© Перевод. И.Г. Ирская, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Глава 1

Однажды в одной стране на другом конце света жила королева, красивая и мудрая. Звали ее Черновласка…
Из сказки «Королева с черными как вороново крыло волосами».

Лондон,
октябрь 1737 года

Дочь герцога с раннего детства обучается всевозможным правилам этикета. На каком блюде подается жареная птица. Когда стоит поздороваться с сомнительной вдовствующей графиней, а когда посмотреть сквозь нее. В каком наряде кататься в лодке по Темзе и как отразить на пикнике ухаживания подвыпившего малообеспеченного графа.

Все это леди Геро Баттен прекрасно знала. Вот только как обратиться к джентльмену, который с жаром занимается любовью с чужой замужней леди?

Геро громко хмыкнула, устремив глаза к лепным грушам на потолке.

Парочка на диване ее не услышала. Дама по-прежнему издавала пронзительные вопли из-под задранных на голову юбок в ужасную красно-коричневую полоску.

Геро вздохнула. Она находилась в полутемном маленьком салоне рядом с библиотекой Мэндевилл-Хауса. И угоразди-

ло же ее зайти как раз в эту комнату, чтобы поправить чулок! Зайди она в голубую восточную гостиную, ее чулок был бы уже в порядке, а она благополучно вернулась бы в бальный зал подальше от этой неприличной сцены.

Она опустила глаза. Джентльмен был в белом парике. Он снял расшитый шелковый фрак и остался в сорочке и ярком, изумрудного цвета жилете. Панталоны и нижние штаны были расстегнуты, и перед глазами Геро то и дело мелькал его голый мускулистый зад.

Как это ни печально, но Геро не могла отвести глаз от этого зрелища. Кем бы ни был этот джентльмен, его любовный азарт завораживал.

Геро отвела глаза и с тоской оглянулась на дверь. Может, она не поступит дурно, если тихонько, на цыпочках, выйдет отсюда? Она бы так и поступила, как только вошла, если бы двумя минутами ранее не увидела в коридоре лорда Пембрука. А еще раньше не отметила, какое уродливое, с красно-коричневыми полосками платье на леди Пембрук. Геро совсем не хотелось ставить себя в неловкое положение, но ее собственные чувства казались ей куда менее важными по сравнению с вероятной дуэлью и последующими расспросами, или даже смертью двоих джентльменов.

Придя к такому заключению, Геро вытащила из мочки уха бриллиантовую сережку и воткнула ее прямо в зад джентльмена. Она всегда гордилась своей меткостью, и сейчас ее сноровка была вознаграждена громким мужским воплем.

Незнакомец выругался и обернулся, глядя на нее через плечо восхитительно красивыми светло-зелеными глазами. Подобных глаз она никогда ни у кого не видела. Красавцем такого не назовешь – слишком широкие скулы, нос кривой, а губы чересчур тонкие и цинично изогнутые, зато глаза… Перед ними не устоит ни одна женщина, молодая или старая.

Когда он увидел Геро, его гневный взгляд сделался веселым.

– Я занят, – хриплым голосом заявил он.

У Геро загорелись щеки. Ситуация на самом деле переходила все границы. Но тем не менее она встретилась с ним взглядом, изо всех сил стараясь не опускать глаз ниже.

– Я заметила, – сказала она, – однако сочла, что вам следует знать…

– А вы, случайно, не принадлежите к особам, которым нравится за этим наблюдать?

Теперь ее лицо запылало, но Геро не собиралась позволить этому наглецу одержать над ней верх. Она с презрением оглядела помятый жилет и сорочку – к счастью, полы сорочки наполовину скрывали расстегнутые штаны. Любезно улыбнувшись, она произнесла:

– Я предпочитаю развлечения, в которых мне не грозит возможность заснуть.

Она ожидала вспышки гнева, но проказник лишь защелкал языком.

– Похоже, с вами такое частенько случалось, дорогая? –

Его голос звучал вкрадчиво, а на щеке появилась ямочка. – Уснуть, когда все только начинается? Ну, в этом виноваты не вы. Это вина джентльмена, а не ваша.

Господи, никто никогда с ней так не говорил!

Геро медленно изогнула бровь. Это всегда производило впечатление – даже на светских матрон. Она практиковалась в этом искусстве перед зеркалом начиная с двенадцатилетнего возраста.

Но демонический джентльмен и глазом не моргнул.

– Моим дамам такие неприятности не грозят, – растягивая слова, произнес он. – Останьтесь и посмотрите – даю слово, это поучительно. А если у меня еще останутся силы, то я могу показать…

– В коридоре лорд Пембрук! – выпалила Геро, прежде чем он закончил свое нечестивое предложение.

Гора красно-коричневой материи закачалась.

– Юстас здесь?

– Да. И направляется прямо сюда, – сообщила Геро с некоторой долей злорадства.

Джентльмен встрепенулся, выпрямился и опустил юбки дамы. Перед глазами Геро мелькнули полные белые ляжки. Незнакомец подхватил фрак, быстро оглядел комнату, затем повернулся к Геро и произнес медленно и спокойно:

– У леди Пембрук порвалась лента или кружево. Или еще что-то, а вы любезно согласились ей помочь.

– Но…

Он зажал ей губы пальцами, теплыми, большими и такими… Господи, какими же… В ту же минуту из коридора раздался мужской голос:

– Белла!

Леди Пембрук – или Белла – в страхе что-то пропищала.

– Вот хорошая девочка, – шепнул Геро негодник. Повернувшись к леди Пембрук, он звонко чмокнул ее в щеку и, со словами: «Будьте осторожны, дорогая», скрылся под диваном.

У Геро была лишь минута понаблюдать, как смазливое лицо леди Пембрук посерело, когда та полностью осознала грозившую ей опасность, услышав, как со стуком распахнулась дверь.

– Белла! – Лорд Пембрук, огромный мужчина с красным лицом, был явно не трезв. Он воинственно огляделся, держа руку на шпаге. И застыл в оцепенении, увидев Геро. – Миледи, что…

– Лорд Пембрук. – Геро встала перед диваном, закрывая широкими юбками вылезавший оттуда большой каблук мужского башмака.

Она снова выразительно изогнула левую бровь, и… лорд Пембрук был сражен и отступил назад.

Геро почувствовала удовлетворение. Хоть на этого джентльмена ее искусство произвело впечатление!

Заикаясь, лорд Пембрук произнес:

– Я… я…

Геро повернулась к леди Пембрук и дотронулась до ужасной желтой тесьмы, которой был отделан рукав ее платья.

– Все в порядке, как мне кажется.

Потрясенная, леди Пембрук с трудом выговорила:

– О! О да, благодарю вас, миледи.

– Пожалуйста, – пробормотала Геро.

– Ты закончила, моя дорогая? – произнес лорд Пембрук. – Если да, то, может, мы вернемся в зал?

Хотя его слова подразумевали вопрос, тон был совсем не вопросительный.

Леди Пембрук покорно взяла его под руку.

– Да, Юстас.

И коротко поклонившись, оба вышли.

Почти тут же Геро почувствовала, как ее дернули за юбку.

– Эй! Я здесь чуть не задохнулся.

– Они могут вернуться, – напомнила Геро.

– Мне кажется, я вижу, что у вас под юбкой.

Она торопливо отодвинулась.

Негодник выкатился из-под дивана и встал, нависая над ней.

Геро не испугалась и гневно посмотрела на него.

– Вы не…

– Ну-ну. Если бы я что-то увидел, то неужто вы думаете, я бы вам об этом сказал?

Геро фыркнула. Неужели она сейчас похожа на кузину Батильду с ее резонерством?

– Не сомневаюсь, что вы стали бы этим хвастаться.

Незнакомец наклонился к ней и усмехнулся:

– А разве эта мысль вас не возбудила?

– А ваш парик вам не жмет?

– Что?

– Мне показалось, что у вас распухла голова и кости давят на мозги.

– У меня не только голова огромного размера, уверяю вас, – с ухмылкой произнес он. – Может, поэтому вы сюда пришли? Чтобы тайком подглядеть?

Геро сделала квадратные глаза.

– У вас что, нет ни капли стыда? Большинство мужчин по крайней мере сделали бы вид, что они смущены, если бы их застали за таким греховным занятием, а вы… Вы стоите, распушив хвост как петух, как ни в чем не бывало.

Незнакомец застыл, надевая фрак – одна рука наполовину в рукаве.

Посмотрев на нее своими красивыми зелеными глазами, он произнес:

– Ну конечно. Читаете мне мораль. Разумеется, чувствуете свое превосходство…

– Я видела, как вы занимались прелюбодеянием.

– Вы видели, как я с удовольствием трахался, – подчеркнуто медленно сказал он.

Геро поморщилась от его грубости, но ее было не так легко смутить. Она – дочь герцога и не намерена бояться такого

наглеца, как этот тип.

– Леди Пембрук замужем.

– У леди Пембрук было множество любовников до меня и будет столько же после меня.

– Это не искупает вашего греха.

Он посмотрел на нее и рассмеялся:

– А вы женщина без греха?

Ей даже не надо было думать, чтобы ответить:

– Естественно.

Губы у него скривились.

– Какая уверенность!

Оскорбленная, Геро уставилась на него.

– Вы сомневаетесь?

– О нет, что вы! Я абсолютно уверен, что греховная мысль ни разу не посетила ваш благочестивый умишко.

Геро задрала подбородок, чувствуя приятное волнение, – она еще никогда не спорила с джентльменом, не говоря уже о незнакомом мужчине.

– А я начинаю сомневаться в том, что хоть какая-то праведная мысль посетила ваш бессовестный умишко.

Незнакомец внимательно на нее посмотрел, и у него дернулась скула. Вдруг он внезапно ей поклонился:

– Благодарю вас за то, что вопреки вашим правилам вы спасли меня от убийства лорда Пембрука.

Геро натянуто кивнула.

– И очень надеюсь, что наши пути никогда не пересекутся,

миледи Совершенство.

Геро почему-то стало обидно от его слов, но она, разумеется, этого не показала.

– Я, несомненно, буду молиться о том, чтобы избежать несчастья еще раз встретиться с вами, милорд Бесстыдство.

– Значит, мы договорились.

– Абсолютно.

– Хорошо.

Геро не отрываясь смотрела на него. Грудь сдавили косточки корсета, потому что она слишком часто дышала. Щеки горели от волнения. В пылу спора они приблизились друг к другу, и незнакомец почти касался кружева на лифе ее платья. Он тоже не сводил с нее глаз… таких ярко-зеленых на уродливом лице. Его взгляд упал ей на рот. Геро разомкнула губы и… забыла сделать вдох.

А он повернулся, шагнул к двери и исчез в полутемном коридоре.

Геро перевела дух и оглядела комнату. На стене висело зеркало, она подошла и вгляделась в свое отражение. Рыжие волосы по-прежнему изысканно уложены, нарядное серебристо-зеленое платье в полном порядке. А вот щеки порозовели, хотя ей это идет. Странно, но она, кажется, ничуть не изменилась.

Что ж, это хорошо.

Геро расправила плечи и быстро вышла из комнаты грациозной походкой. Сегодняшним вечером ей, как никогда,

важно выглядеть безукоризненно во всех отношениях. Ибо сегодня будет объявлена ее помолвка с маркизом Мэндевиллом.

Геро подняла подбородок, вспомнив усмешку незнакомца, когда он назвал ее леди Совершенство. Что он может иметь против совершенства?

«Пусть катятся к черту все самодовольные, идеальные женщины – и та рыжеволосая девица в особенности».

Лорд Гриффин Рединг шел в бальный зал в отвратительном расположении духа. Чертова девчонка! Посмела стоять с осуждающим видом и презрительно на него смотреть. На него! Она скорее всего ни разу не ощутила нормального человеческого порыва за всю свою безмятежную жизнь, оберегаемая от всяческих забот и тревог. Единственным свидетельством того, что она смутилась, были розовые пятна – они расползлись у нее по бледной нежной шее, когда она в упор смотрела на него. Гриффин хмыкнул. Этот осуждающий взгляд вполне способен задеть мужскую гордость.

Однако его охватили чувства совершенно противоположные, и не из-за того, что он не достиг полного удовлетворения с Беллой. Конечно, возможность быть застигнутым врасплох разгневанным мужем с последующей кровавой дуэлью на рассвете основательно охладила его пыл. И к тому моменту, когда он вылез из-под дивана, он полностью успокоился. Правда, это было до словесной перепалки с мадам святошей.

Он тогда почувствовал сильное напряжение в паху – видно, атрибут его мужской силы ожидал, что хозяин перейдет к постельным играм, несмотря на очевидную благопристойность, а также враждебность дамы и его собственную неприязнь к ней.

Гриффин задержался в темном углу коридора, чтобы успокоиться. Он нащупал у себя в кармане бриллиантовую сережку, которую нашел под диваном и намеревался вернуть леди Совершенство еще до того, как ее острый язычок заставил его забыть об этом. А теперь пусть остается без сережки – так ей и надо за то, что нагрубила джентльмену.

Гриффин повел плечом. Когда он полчаса назад ступил в бальный зал, у него даже не хватило времени поздороваться с матерью и сестрами, поскольку Белла перехватила его и завлекла в гостиную. Знай он, что ее муж тоже на балу, он ни за что не позволил бы заманить себя на столь опасное любовное свидание.

Гриффин вздохнул. Поздно заниматься самобичеванием. Лучше забыть досадный эпизод как можно скорее. Мегс и Кэролайн, вероятно, не придали значения его исчезновению, а вот мать наверняка зорко за ним следила. От нее так легко не отделаешься. Гриффин поправил шейный платок и вошел в залу.

Свет струился из хрустальных канделябров высоко над головой, освещая огромное сборище гостей. Это станет событием светского сезона, и ни один представитель лондонско-

го высшего общества ни за что его не пропустит. Гриффин протискивался сквозь красочно разодетую толпу, то и дело останавливаясь, чтобы поздороваться со старыми приятелями и едва знакомыми людьми.

– Как хорошо, что ты пришел, дорогой, – раздался сбоку взволнованный голос.

Гриффин отвернулся от двух жеманных юных особ, которые преградили ему путь, и наклонился к матери, чтобы поцеловать ее в щеку.

– Мама, рад тебя видеть.

Вежливые слова скрывали неожиданно нахлынувшие на него чувства. Он отсутствовал в Лондоне почти год, и прошло уже восемь месяцев после того, как мать приезжала к нему в родовое поместье в Ланкашире. Гриффин, склонив голову набок, смотрел на мать. В ее красивых волосах, спрятанных под изящным кружевным чепцом, появилось чуть больше седых нитей, однако столь дорогое ему лицо не изменилось. Смешливые морщинки вокруг карих глаз, мягкие складки губ прячут добрую улыбку, прямые брови едва заметно изгибаются, когда она видит что-либо занятное…

– Ты такой загорелый, как спелый орех, – тихо произнесла она и коснулась пальцем его щеки. – Наверное, много времени проводил, объезжая угодья.

– Ты, как всегда, догадлива, дорогая mater[1], – сказал он,

---

[1] mater (*лат.*) – мать, матерь (ср.: альма-матер) – школьный жаргонизм. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

предлагая ей руку.

Она взяла его под руку и спросила:

– Как урожай?

В висках больно запульсировало, но ответил Гриффин весело и беспечно:

– Довольно приличный.

– В самом деле? – Взгляд матери был озабоченным.

– Лето выдалось сухое, поэтому урожай меньше, чем ожидалось. – На самом деле в результате засухи почти весь урожай погиб. Их земли вообще не отличались плодородием – это мать уже знала, – но незачем заставлять ее волноваться. – Не беспокойся, нам хватит зерна. – Гриффин не уточнял, что он делает с зерном. Это – его крест, который он несет ради матери и всей семьи.

Похоже, ответ ее успокоил.

– Хорошо. Лорд Боллингер проявляет интерес к Маргарет, и ей понадобятся новые наряды в этом сезоне. Я бы не хотела превышать наши доходы.

– Не волнуйся, – ответил он, быстро сделав в уме подсчеты. Как всегда, это окажется не просто, но он сумеет достать деньги… если только ему не будут угрожать дальнейшие потери. Боль в висках становилась сильнее. – Купи Мегс все, что она захочет. Семейный кошелек это вынесет.

Складка между материнских бровей разгладилась.

– И конечно же… Томас.

Гриффин был готов к разговору о брате, но все-таки на-

прягся. Мать, разумеется, это почувствовала.

– Я так рада, что ты приехал, Гриффин. Пришло время оставить позади вашу небольшую размолвку.

Гриффин хмыкнул. Едва ли его брат счел их разногласия «небольшой размолвкой». Томас всегда соблюдал приличия и не спорил с Гриффином по мелочам. Для такого благовоспитанного человека, как Томас, снизойти до спора по незначительному поводу означало бы дать волю чувствам, что абсолютно немыслимо. На мгновение серые, широко раскрытые глаза леди Совершенство пришли ему на ум. Она уж, несомненно, прекрасно поладила бы с его чопорным братом.

– Я с удовольствием поговорю с Томасом. – Гриффин постарался изобразить удовольствие.

Мать нахмурилась. Да, пожалуй, ему предстоит потрудиться над выражением своего лица.

– Ему тебя не хватает, – сказала она.

Он с удивлением посмотрел на нее.

– Да, это так, – стояла на своем мать, но Гриффин заметил у нее на щеках два красных пятна – даже мать не была уверена в том, как Томас примет брата. – Это охлаждение должно кончиться – оно вредит семье, вредит вам обоим и мне. Я не понимаю, почему это длится так долго.

Краем глаза Гриффин заметил бледно-зеленое платье. Он повернулся, и сердце у него подпрыгнуло. Но дама в этом платье уже скрылась из виду.

– Гриффин, куда ты смотришь? – шикнула на него мать.

Он улыбнулся:

– Прости, мне показалось, будто я увидел особу, которую мне хотелось бы избежать.

– Я уверена, что здесь достаточно дам с дурной репутацией, которых тебе следует избегать.

– Вообще-то у этой дамы как раз безупречная репутация, – возразил он. Рука нашла в кармане маленькую бриллиантовую сережку. Надо вернуть ей это.

– Да? – Гриффин надеялся, что мать отвлеклась от своего горячего призыва примирить братьев, но она покачала головой и сказала: – Не пытайся уйти от разговора. Вот уже три года, как у вас с Томасом длится эта несчастная размолвка. Вы истрепали мне все нервы. Не думаю, что вынесу хоть еще одно ледяное письмо, которыми вы обмениваетесь, или обед, на котором мне приходится следить за каждым своим словом из-за страха затронуть в разговоре неподходящую тему.

– Mater, будет мир, – засмеялся Гриффин и нагнулся, чтобы поцеловать ее в щеку. – Мы с Томасом пожмем друг другу руки и помиримся как послушные маленькие мальчики. И ты будешь обедать с нами обоими, пока я в Лондоне.

– Обещаешь?

– Клянусь честью. – Гриффин положил руку на грудь. – Я буду так любезен и мил, что Томас не сможет удержаться, чтобы не броситься ко мне с выражениями братской любви.

– Хм. Надеюсь на это, – вздохнула мать.

– Ничто на свете не остановит меня на этом пути, – весело

заверил ее сын.

– Ты счастлива?

Геро повернулась на звук низкого мужского голоса и увидела своего дорогого старшего брата Максимуса Баттена, герцога Уэйкфилда. На секунду она растерялась, не сразу поняв, о чем он. За те два месяца, которые заняло устройство помолвки с маркизом Мэндевиллом, Максимус несколько раз задавал сестре вопрос, довольна ли она этой партией, но ни разу не поинтересовался, счастлива ли она.

– Геро? – Максимус сдвинул темные брови.

Она часто думала о том, что внешность Максимуса полностью соответствует его высокому титулу. Если закрыть глаза и нарисовать портрет идеального герцога, то получится Максимус. Он был высок, с широкими, но не массивными плечами, лицо удлиненное и худое, и чуть более высокомерное, чтобы быть по-настоящему красивым. Темно-каштановые волосы он стриг коротко, поскольку носил безукоризненный белый парик. Глаза тоже темные, карие. Карие глаза часто называют теплыми, но одного взгляда Максимуса достаточно, чтобы вывести из заблуждения человека, который так считает. Теплота – это последнее, что можно сказать о герцоге Уэйкфилде. Однако, несмотря ни на что, он ее брат.

Геро улыбнулась ему:

– Да, я абсолютно счастлива.

Неужели в строгих глазах промелькнуло облегчение? На

секунду она ощутила раздражение. До сего момента Максимус ни разу не дал ей понять, что в этом браке ее счастье имеет значение. Соединение земель и интересов, усиление его парламентского альянса с Мэндевиллом – вот что принималось во внимание. Ее чувства – Геро прекрасно это сознавала – не имели никакого значения в переговорах. Но ее это не огорчало. Она была дочерью герцога и с колыбели знала свое место и предназначение в жизни.

Максимус, сжав губы, оглядывал толпу гостей в зале.

– Я хочу, чтобы ты знала – у тебя еще есть время передумать.

– Разве? – Геро тоже окинула взглядом залу. Мэндевилл-Хаус был изысканно украшен. Голубые и серебряные гирлянды – фамильные цвета Баттенов – переплетались с алыми и черными – Рединговов. Вазы с розами стояли на каждом столе, и маркиз нанял и экипировал целую армию лакеев. Геро взглянула на брата.

– Контракт обговорен и уже подписан.

Максимус нахмурил брови, демонстрируя герцогскую решительность.

– Если ты действительно хочешь избежать этой помолвки, я мог бы ее расторгнуть.

– Это весьма благородный жест с твоей стороны. – Геро была тронута словами Максимуса. – Но я абсолютно довольна своей помолвкой.

Он кивнул:

– Тогда, я думаю, нам пора присоединиться к твоему жениху.

– Конечно. – Голос ее прозвучал спокойно, но рука на темно-синем рукаве фрака слегка дрогнула.

К счастью, Максимус ничего не заметил. Он повел ее в бальный зал, неторопливым, но, как всегда, твердым шагом. И как обычно, перед ним все расступались.

Стоявший к ним спиной мужчина в строгом черном фраке и белоснежном парике обернулся при их приближении, и что-то в его осанке, в форме подбородка в профиль напомнило Геро негодника, с которым она препиралась всего несколько минут назад. Упрекнув себя в глупости, она присела в реверансе перед маркизом Мэндевиллом. Трудно представить кого-либо менее похожего на лорда Бесстыдство, чем ее жених.

Мэндевилл был высок и хорош собой. Если бы он чаще улыбался, то его можно было бы назвать очень красивым. Но… излишняя красота для маркиза неуместна.

– Ваша светлость. Леди Геро. – Мэндевилл отвесил галантный поклон. – Вы сегодня еще прелестнее, чем обычно, миледи.

– Благодарю вас, милорд. – Геро улыбнулась ему и с радостью отметила, что всегда строго сжатые губы маркиза дрогнули в улыбке.

Вдруг его взгляд упал на ее ухо.

– Моя дорогая, у вас всего одна серьга.

– Неужели? – Геро потрогала обе мочки, и ее бросило в жар – она вспомнила, что приключилось с исчезнувшей сережкой. – Господи, я, должно быть, ее потеряла.

Она поспешно сняла оставшуюся серьгу и отдала брату, а тот положил в карман.

Мэндевилл удовлетворенно кивнул.

– Мы можем пройти в залу? – спросил он, но его взгляд был устремлен на Максимуса.

Герцог кивнул.

Мэндевилл сделал знак дворецкому, однако в зале уже воцарилась тишина – все гости повернулись к ним.

Геро с приличествующей улыбкой на лице стояла очень прямо и неподвижно – как ее приучили еще в детстве. Леди ее положения никогда не выказывает волнения и не суетится. Геро очень не любила быть в центре внимания, но она – дочь герцога. Она посмотрела на Мэндевилла. К маркизу было приковано даже больше взглядов, чем к ней, что и понятно.

Геро подавила вздох и постаралась дышать медленно и незаметно, представив себе, что она статуя. Эта старая привычка помогла справиться с волнением. Внешне она каменное изваяние с идеальной маской дочери герцога, а подлинной, живой женщине внутри этой глыбы вообще нет места.

– Друзья, – загремел глубокий выразительный голос Мэндевилла. Он славился своим ораторским искусством в парламенте, и Геро вдруг пришло в голову: а нет ли в нем на-

лета театральности? Конечно, в лицо ему она никогда такого не скажет. – Я приветствую всех вас сегодня здесь в Мэндевилл-Хаусе в связи с особенно важным и торжественным событием – моей помолвкой с леди Геро Баттен.

Мэндевилл повернулся к ней, с поклоном взял ее руку и с изяществом поцеловал пальцы. Геро улыбнулась и присела в реверансе, а гости зааплодировали. Их немедленно окружили, осыпая поздравлениями.

Геро благодарила глуховатую пожилую графиню, когда ее окликнул Мэндевилл:

– Уэйкфилд, леди Геро, я хочу вас познакомить…

Геро обернулась и встретилась взглядом с удивленными зелеными глазами. Откуда-то издалека донесся голос Мэндевилла:

– Моя дорогая, это мой брат лорд Гриффин Рединг.

Лорд Бесстыдство поклонился и, взяв ее руку, слегка коснулся губами.

Глава 2

Королева Черновласка мудро и справедливо правила своим королевством после смерти мужа короля. Но не легко женщине обладать властью в мире, где господствуют мужчины. Хотя ее окружали советники и министры, а также ученые мужи, она не могла полностью доверять ни одному из них. Вот почему каждую ночь королева Черновласка выходила на балкон и держала в ладонях маленькую коричневую птичку. Она поверяла ей свои секреты и заботы, а потом, раскрыв ладони, отпускала, и та взлетала высоко в ночное небо, унося с собой королевские тайны…
Из сказки «Королева с черными как вороново крыло волосами»

Геро постаралась успокоиться и улыбнулась – не слишком открыто, но достаточно приветливо. Улыбка ни в коей мере не отразила ее ужаса от того, что она и лорд Бесстыдство скоро станут родственниками.

– Рада познакомиться с вами, лорд Гриффин.

– Да? – Он все еще стоял, склонившись над ее рукой, поэтому его тихий возглас расслышала только она.

– Разумеется.

– Врунья.

Геро еле слышно процедила сквозь зубы:

– Не вздумайте устроить сцену!

– Сцену? Я? – Рединг сощурился.

Геро хотела отнять руку, но этот кошмарный человек и не думал ее отпускать. Он медленно выпрямился.

– Какая радость, наконец познакомиться с моей новоявленной сестрой. Вы не будете возражать, если я назову вас сестрой, миледи? У меня такое ощущение, что мы с вами уже знаем друг друга. Вскоре мы будем встречаться на всех домашних обедах, завтраках, чаепитиях и подобных сборищах. У меня от радости просто дух захватывает, дорогая сестра. Мы станем очень дружной семьей. – И улыбнулся плутовской улыбкой.

У Геро в душе все взбунтовалось, когда этот наглец назвал ее сестрой. Вот уж кто ей не брат, так это он.

– Я не думаю…

– Жаль это слышать, – пробормотал он.

Геро сжала зубы и попыталась незаметно отдернуть руку, но будущий деверь держал ее очень крепко.

– Лорд Гриффин, я…

– Вы не откажетесь потанцевать со мной, моя очаровательная будущая сестра? – как ни в чем не бывало спросил он.

– Я не…

Лорд Гриффин поднял брови, а зеленые глаза лукаво сверкнули.

– …Я не думаю, – сквозь зубы выговорила она, – что это следовало бы…

– Ну конечно. – Рединг наклонил голову и опустил глаза долу. – С какой стати такой благонравной леди танцевать с таким недостойным человеком, как я? Прошу прощения за то, что посмел вам надоедать.

Геро почувствовала, как у нее горит лицо. Он выставил негодяйкой ее! Она закусила губу.

– Что ж…

– Геро, это вполне приличное приглашение, – загремел сзади голос Максимуса.

Великий боже! Она почти забыла, что они находятся посередине переполненного бального зала. Такого с ней никогда раньше не случалось. Она – дочь герцога и всегда знала, как себя вести.

Геро в оцепенении взглянула на Рединга – тот уже не улыбался и, повернувшись к своему брату, произнес:

– Разумеется, с твоего разрешения, Томас.

Они стояли рядом, и Геро не могла не заметить, как они похожи. Оба высокие, оба одинаково наклоняли голову, у обоих – квадратные подбородки. Глядя на Рединга, можно было принять его за старшего, но Геро знала, что он на несколько лет моложе Томаса. У лорда Рединга глубоко посаженные глаза, много морщин и выражение лица циничное. Он выглядел так, словно жизнь обошлась с ним куда жестче, чем с Мэндевиллом.

Мэндевилл не ответил брату, и пауза становилась неловкой. Вдовствующая маркиза стояла между ними и с беспо-

койством смотрела на старшего сына. Вероятно, ее беспокойство каким-то образом на него подействовало, потому что он кивнул Рединг и еле заметно улыбнулся.

А Рединг тут же повернулся к Геро, и не успела та и глазом моргнуть, как оказалась почти на середине залы.

– Что вы задумали? – зашипела на него она.

– Менуэт, полагаю.

Она выразительно на него взглянула.

– Ну, ну, дорогая сестра…

– Прекратите так меня называть!

– Что вы сказали, сестра?

Они уже стояли среди других пар, и Рединг повернулся к ней лицом.

Геро сощурилась.

– То, что вы слышали!

– Но скоро вы действительно станете моей сестрой, – растягивая слова, произнес он, словно объяснял очевидные вещи глупой малышке. – Как еще мне следует называть вас, жену моего старшего брата, как не сестрой? – Он смотрел на нее с самым невинным видом.

Геро чуть не рассмеялась. Одному Богу известно, что Мэндевилл – не говоря уже о брате – подумает, если она на балу в честь ее помолвки захохочет как школьница.

– С какой стати вы пригласили меня на танец?

Гриффин изобразил обиду.

– Ну, я подумал таким образом отметить вашу замеча-

тельную помолвку.

Геро приподняла левую бровь, хотя на него этот жест, надо признать, не производил никакого впечатления.

Рединг наклонился к ней и хрипло прошептал:

– Или, возможно, вы бы хотели обсудить пикантные моменты нашей встречи в присутствии обеих наших семей?

Зазвучала музыка, и Геро присела в реверансе.

– Мне думается, вы потеряете больше, чем я, если сообщить им об обстоятельствах нашей встречи.

– Можно себе представить, – ответил он, когда они начали двигаться по кругу в танце. – Но вы не принимаете во внимание редкостное занудство моего брата.

Геро едва заметно сдвинула брови.

– На что вы намекаете?

– Я просто излагаю факты. Мой брат узколобый осел. Узнав, что вы были в той гостиной с Беллой и со мной, он немедленно сделает неправильные выводы.

Танцевальные па на минуту разъединили их. Геро пыталась понять, что же он за человек, если говорит такие вещи о собственном брате.

Они снова соединились в танце, и она тихо спросила:

– Зачем вы говорите мне все это?

– Я просто говорю правду.

Она покачала головой:

– Не думаю. Полагаю, вы стараетесь настроить меня против вашего брата, а это очень-очень дурно.

Гриффин улыбнулся, и у него под правым глазом дернулась жилка.

– Леди Совершенство, мы же снова встретимся и…

– Прекратите называть меня так, – вконец рассердилась она. – Я не думаю, что Мэндевилл такой ужасный, каким вы его считаете.

– Я, конечно, не смею противоречить даме, но вы понятия не имеете, о чем спорите.

Геро укоризненно посмотрела на него:

– Сэр, вы оскорбляете и своего брата, и меня. Я не могу представить, что такое сделал ваш брат, чтобы заслужить столь скверное отношение.

Рединг наклонился к ней так близко, что она уловила запах лимона и сандалового дерева.

– Не можете?

Геро помимо воли вздрогнула. Она не такая уж маленькая женщина – на самом деле она выше ростом большинства знакомых дам, – но Рединг выше ее по крайней мере на фут. Он пользуется своим физическим преимуществом, чтобы запугать ее.

Ну, дочь герцога не так легко сбить с толку. Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Нет. Я не могу себе представить такое ужасное зло, за которое вы готовы очернить собственного брата.

– Возможно, у вас просто не хватает воображения, чтобы это представить, – буркнул он, не глядя на нее.

– А может, это у вас больное воображение.

– В ваших глазах это выглядит, вероятно, так. Я не обладаю достоинствами своего брата. Я не блестящий член парламента, я не обладаю ни его красотой, ни галантностью. И… – Рединг снова наклонился к ней, – … у меня нет его высокого титула.

Геро сначала удивилась, потом тихонько засмеялась:

– Вы настолько завидуете ему, что считаете, будто я выхожу за него из-за его титула?

Она увидела – и это доставило ей удовольствие, – что он рассердился.

– Я не завидую…

– Разве? – нежным тоном прервала его она. – В таком случае вы, вероятно, просто глупец. Мэндевилл – человек чести. Он настоящий джентльмен. И его ценят в парламенте. Все, с кем он имеет дело, его уважают. К тому же он друг моего брата и его сподвижник. Я горжусь тем, что я его невеста.

Танец развел их в разные стороны, а когда они опять сблизились, Гриффин натянуто кивнул:

– Возможно, вы правы. Возможно, я глупец.

Он застал ее врасплох своими словами. Наглец, коим она его считала, с такой готовностью не признал бы свои недостатки.

Рединг посмотрел на нее, и уголки рта у него дрогнули, словно он догадался, о чем она подумала.

– Вы расскажете Томасу о нашей встрече?

– Нет. – Ее ответ прозвучал мгновенно.

– Разумное решение. Как я уже говорил, моему брату это не понравилось бы.

Хотя Геро и не хотелось в это верить, но ее жених и в самом деле мог неверно все истолковать. Она отбросила эту мысль и посмотрела Рединг у прямо в глаза.

– Я хочу сохранить вашу репутацию в глазах вашего брата.

Негодник откинул голову и засмеялся, да так громко, что танцующие с удивлением на него посмотрели.

– А вы разве не знаете? У меня не та репутация, которую я хотел бы сохранить, миледи Совершенство. Уберите свой щит и меч, и свои сверкающие доспехи. Не надо ради меня сражаться с драконом. Вам некого защищать.

– Некого? – переспросила она. Внезапное любопытство заставило Геро говорить, не подумав заранее. До нее доходили слухи, произносимые шепотом о таинственном брате ее жениха, но все это было как-то неясно.

– Вы настолько неисправимы?

– Я совершеннейший негодяй. – Рединг обошел ее в танце, медленно двигаясь под музыку, и прошептал так тихо, что услышала только она: – Соблазнитель и распутник в самом худшем смысле. Я известен своими разнузданными развлечениями. Я слишком много пью, посещаю проституток и сквернословлю в дурных компаниях. Во мне нет ни благоразумия, ни моральных устоев, да мне ничего этого не хочется. Короче говоря, я дьявол во плоти, и вы, дражайшая леди Со-

вершенство, поступите правильно, если будете избегать моего общества любой ценой.

Взрыв смеха заставил Томаса Рединга, маркиза Мэндевилла, посмотреть на танцующих. Гриффин откинул голову назад и расхохотался самым неприличным образом в ответ на какие-то слова леди Геро. К счастью, она выглядела не столь довольной. Тем не менее у Томаса напряглись плечи.

Черт бы побрал Гриффина!

– Ваш брат, похоже, получает удовольствие от танца с моей сестрой, – заметил Уэйкфилд.

Томас встретился взглядом с холодными карими глазами герцога. Всегда было чертовски трудно угадать, что на уме у Уэйкфилда, но сейчас его лицо казалось таким же непроницаемым, как у сфинкса.

Томас снова устремил взгляд на Гриффина, который делал танцевальные па вокруг его невесты.

– Вы правы.

Уэйкфилд скрестил руки на груди.

– Геро всю жизнь холили и лелеяли, как и подобает леди ее положения. И ее моральные устои безукоризненны. Я знаю, что она способна противостоять любому искушению.

Томас кивнул, чувствуя, как от неловкости у него покраснела шея. Ему стало душно, и он с трудом удержался, чтобы не ослабить узел шейного платка. Он прекрасно понял завуалированное предостережение герцога.

– Я вас понимаю, ваша светлость. Леди Геро пользуется моим полным доверием, и я никогда не позволю себя относиться к ней без должного уважения.

– Замечательно. – Уэйкфилд заложил руки за спину, и они оба молча наблюдали за танцующими. Затем герцог тихо произнес: – Внесение пункта в закон не прошло.

Томас пристально посмотрел на собеседника. Пытаясь противостоять пьянству среди лондонских бедняков, они в июне добавили в прошлогодний парламентский закон о спиртном пункт о джине. Этот пункт гарантировал премию осведомителям о незаконных продавцах джина.

– С каждым днем к магистратам приводят все больше продавцов джина, – медленно произнес Томас. – Почему же не удалось внести этот пункт?

Уэйкфилд пожал плечами. Его тихий и сдержанный голос не мог скрыть гнева:

– Они притащили несчастных женщин, продававших дьявольское питье с тележек. Несчастные зарабатывают на этом за день несколько пенни. В первую очередь необходимо поймать тех, кто перегоняет джин, влиятельных и могущественных, которые скрываются в тени, богатея за спинами обездоленных людей.

Томас заметил, как леди Геро нахмурилась, глядя на Гриффина, и успокоился.

– Уверяю вас, когда поймают как можно больше продавцов джина, то это тут же ударит по тем, кто производит джин.

С момента внесения пункта прошло всего несколько месяцев. Надо подождать, мой друг.

– У меня нет времени ждать, – отрезал Уэйкфилд. – Лондон гибнет от этой заразы. В нашем огромном городе от этого умирает больше жителей, чем рождается. Тела валяются на улицах и в канавах Ист-Энда[2]. От жен уходят пьяницы-мужья, пьяные матери убивают младенцев, брошенные дети умирают или продают себя. Как может Англия процветать, если рабочая сила вырождается? Мы исчезнем как нация, если не искореним пьянство в нашем городе.

Томас знал, что проблема джина волнует Уэйкфилда, но не думал, что настолько глубоко. Он не ожидал подобной страстности от такого человека, каким ему представлялся герцог.

Вдруг его внимание привлекло движение на другом конце бального зала. Там появилась женщина в огненно-оранжевом платье, из-под которого виднелись бледно-желтые нижние юбки. Волосы – винно-красного цвета, а губы и щеки густо накрашены. Глаза всех мужчин устремились на нее, а она кокетливо похлопывала по руке своего спутника сложенным веером. Ее кавалер что-то сказал, она откинула голову, изогнув белоснежную шею, и засмеялась, от чего ее грудь заколыхалась.

– …только если состоятельного человека поймают на том, что он производит джин, – продолжал развивать свою мысль

---

[2] Район проживания лондонских бедняков.

Уэйкфилд.

Томас понял, что пропустил большую часть сказанного герцогом, и повернулся к нему. Однако краем глаза все-таки следил за этой женщиной – она игриво водила пальцами по выпуклостям груди.

– Распутница.

– Кто?

Черт, он произнес это вслух, и теперь Уэйкфилд ждет от него ответа.

Томас поморщился.

– Миссис Тейт. – Он кивнул, указывая на женщину в противоположной стороне залы. – Каждый раз, когда я ее вижу, у нее новый поклонник и всегда моложе, чем она. Любому ясно, что ей тридцать пять, никак не меньше. Эту женщину следует привлечь к ответу за неприличное поведение.

– Тридцать восемь, – пробормотал Уйэкфилд.

Томас в изумлении посмотрел на него:

– Вы ее знаете?

Уэйкфилд поднял брови:

– Полагаю, что она известна большей части лондонского света.

Томас перевел взгляд на миссис Тейт. Неужели герцог спал с ней?

– Она остроумна, и у нее непринужденные манеры, – сказал герцог. – К тому же она была замужем за человеком втрое старше ее. Я не стал бы осуждать ее за те небольшие слабо-

сти, которые она себе позволяет теперь, когда стала вдовой.

– Она выставляет себя напоказ, – сквозь зубы процедил Томас, чувствуя, как Уэйкфилд сверлит его взглядом.

– Возможно, но лишь с неженатыми джентльменами. Она весьма осторожна и также не флиртует с джентльменами, которые помолвлены.

Словно услыхав слово «помолвлены», Лавиния Тейт подняла голову и встретилась глазами с Томасом, несмотря на то что их разделяло пространство залы. Он знал, что глаза у нее карие. Обычные карие глаза. Цвет глаз она не может изменить, с удовлетворением подумал он. Это не щеки под румянами.

Она выдержала его взгляд и подняла подбородок. Это был жест старый как мир, такой же старый, как тот, которым Ева подзадоривала Адама откусить кусочек от спелого яблока.

Томас отвернулся. Он как-то попробовал этого яблока, и хотя было трудно, но он смог оторваться от опьяняющей сладости плода. Эта женщина – ведьма, потаскуха. А в его жизни ему хватало потаскух.

Лицо леди Геро было спокойно и серьезно и почти красиво. Ее, кажется, совсем не впечатлило театральное перечисление Гриффином всех его грехов.

– Я уже поняла, что вы распутник, – сказала она, когда он остановился. Она присела в грациозном реверансе. – Но поскольку вы мой деверь, лорд Рединг, то полагаю, что совсем

избежать вашего общества будет затруднительно.

Эта женщина точно знала, как уколоть мужчину и задеть его самолюбие. И надо же было так случиться – вот уж ирония судьбы, – что именно эту женщину Томас избрал своей невестой. Женщину, которая не постеснялась высказать ему свое неудовольствие. Женщину, которая наблюдала его не в лучшем виде и явно не собиралась забыть это зрелище. Женщину, гордившуюся своей незапятнанной репутацией.

Леди Совершенство – идеальный выбор для его идеального брата.

Гриффин с неприязнью смотрел на нее. Она изогнула левую бровь – черт бы ее побрал! Она далеко не красавица, невеста его брата. Но она обладала той элегантностью, которую можно иногда обнаружить среди представительниц высшего английского света. У нее нежная кремовая кожа, немного длинное лицо, правильные аккуратные черты, а волосы рыжие, изысканного оттенка.

Он видел похожих на нее женщин сотни раз, и все же… что-то в леди Геро было особенным. Уже одно то, что большинство дам ее сословия просто оставили бы его в гостиной самостоятельно разбираться в той ситуации, куда он угодил. А она пошла против своих строгих моральных правил и спасла и его, и Беллу. Она что, сделала это из сострадания к двум незнакомым ей людям? Или у нее такие глубокие этические устои, которые вытеснили ее отвращение к происходившему в гостиной?

Музыка утихла, и танец закончился. Ему следует отвести ее обратно к нудному Томасу. Он сопроводит ее к жениху, разумеется, но… чуть-чуть повременит.

Гриффин поклонился и с покорным видом предложил ей руку.

– Печально, не так ли?

Геро подозрительно на него взглянула, но этикет не позволил ей отказаться. Гриффин в душе торжествовал.

– О чем вы? – спросила она.

– О, о том, что такая благовоспитанная женщина, как вы, вынуждена смириться с обществом такого отпетого негодяя, как я. Исключительно из-за светских условностей.

Геро высоко подняла подбородок, а он медленно повел ее сквозь толпу.

– Я сознаю свой долг.

Гриффин выкатил глаза.

– Это вам зачтется. Мое постоянное присутствие в вашей жизни, несомненно, приведет вас к святости.

От его внимания не укрылось, как слегка дрогнули мягкие розовые губы. Ей-богу! Леди Совершенство обладает чувством юмора! Гриффин увидел улыбку, хотя лицо осталось неподвижным. А какой будет настоящая улыбка на ее лице? А что будет, если она рассмеется от души?

Он наклонил к ней голову, вдыхая запах цветов.

– Если вы выходите за моего брата не из-за его титула, тогда почему?

Широко раскрытые серые глаза с удивлением посмотрели на него. Она находилась так близко, что стоило ему наклониться чуть ближе, и губы коснулись бы ее губ. А если бы ее губы разомкнулись под его языком, то он ощутил бы их вкус – обволакивающий вкус меда.

О Боже! Гриффин резко поднял голову. К счастью, леди Геро не заметила его замешательства.

– Что вы имеете в виду?

Он со вздохом отвернулся. Они почти пересекли залу и теперь двигались в противоположную сторону от того места, где стоял Томас. Он играет с огнем, но его всегда привлекала опасность.

– Почему вы выходите за Томаса?

– Мой брат и он – друзья. Максимус настоятельно советовал мне вступить в этот брак.

– И это все?

– Нет, конечно. Мой брат не стал бы рассматривать Мэндевилла как подходящего мужа для меня, если бы тот не пользовался уважением, не был добрым и состоятельным человеком. – Она выложила все доводы брата, словно перечисляла достоинства породистого барана.

– Вы его не любите? – спросил Гриффин не ради праздного любопытства.

Геро непонимающе сдвинула брови, словно он перешел на шведский язык.

– Я не сомневаюсь, что когда-нибудь полюблю его.

– Не сомневаетесь… – пробормотал Гриффин, снова почувствовав дурацкое удовлетворение. – Как, к примеру, любимого спаниеля!

Геро остановилась как вкопанная, и он подумал, что она вполне могла бы упереться руками в бока подобно разозлившейся торговке рыбой.

– Мэндевилл не спаниель!

– Тогда датский дог?

– Лорд Гриффин…

Он потянул ее вперед и повел к другой стороне залы.

– Просто я всегда думал, что было бы приятно…

– Что?

– Быть влюбленным в жену… или в вашем случае – в мужа.

Ее лицо на мгновение потеплело, серые глаза чуть затуманились, а нежные губы приоткрылись. Гриффин не мог оторвать от нее глаз. Неужели он увидел подлинную леди Геро?

Но она тут же снова превратилась в леди Совершенство, с прямой спиной, плотно сжатыми губами и непроницаемым взглядом. Перемена была удивительной. Что стало причиной такого перевоплощения?

– Как романтично, – произнесла она скучающим и невыразительным светским тоном, а Гриффин едва не заскрежетал зубами, – думать, что любовь хоть как-то связана с браком.

– Почему?

– Потому что брак для нашего сословия – это соглашение между семьями, и вам это хорошо известно.

– Но разве это не может быть чем-то большим?

– Вы намеренно притворяетесь, – нетерпеливо произнесла Геро. – Не мне объяснять вам законы светского общества.

– У моих родителей это было.

– Что?

– Любовь, – ответил Гриффин. – Они любили друг друга. Я знаю, какая это редкость, но это вполне возможно.

– Мои родители тоже любили друг друга.

– Что? – От неожиданности он даже смутился.

Геро склонила голову, и он видел только ее рот с печально опущенными уголками.

– Я знаю, что между моими родителями была глубокая привязанность.

Гриффин вдруг с ужасом вспомнил, что ее родителей убили. Это преступление было у всех на устах лет пятнадцать назад: герцог и герцогиня Уэйкфилд, выходя из театра, погибли от рук лондонских бродяг.

– Простите, мне очень жаль.

Геро вздохнула и подняла на него глаза, такие беззащитные.

– Ничего. Почти никто не говорит со мной о них. Словно они никогда не существовали. Я была еще маленькой девочкой – еще не вышла из классной комнаты, когда они умерли, но я немного их помню… до того, как это случилось.

Он кивнул, почувствовав к этой гордой, колючей женщине нежность и желание защитить ее. Они замолчали. Гриффин время от времени здоровался кое с кем, но не останавливался, продолжая вести Геро по зале.

– Вероятно, вы правы, – сказала она. – Брак по любви – это действительно прекрасно.

– Тогда почему довольствоваться меньшим?

– Любовь между мужем и женой может возникнуть и после свадьбы.

– Но может и не возникнуть.

Геро повела плечом – вид у нее был задумчивый.

– Все браки в какой-то мере азартная игра – пытаешься сделать разумный выбор, выбрать мужчину, который всем нравится, который добр и вышел из хорошей семьи.

– А в семье Рединг нет сумасшедших, так что за родословную можно не беспокоиться, – пробормотал он.

Геро наморщила нос:

– Вы бы предпочли, чтобы я вошла в семью, где в роду были сумасшедшие?

– Нет, что вы. – Гриффин пытался объяснить себе, почему ее хладнокровное решение выйти за его брата так его взволновало. Уж что-что, а сердечные дела Томаса его не волновали. – Вы сами признали, что брак по любви прекрасен. Почему не подождать такого брака?

– Я ждала. Я выхожу в свет уже шесть лет.

– И все это время вы искали подлинную любовь?

– Вероятно. – Геро пожала плечом, явно раздосадованная. – Или что-то похожее на настоящую любовь. Сколько, вы считаете, мне следует еще ждать? Месяцы? Или годы? Мне двадцать четыре. Я обязана выйти замуж, и выйти замуж должным образом. Я не могу ждать вечно.

– Обязаны… – повторил он. Это слово ему было неприятно, хотя мысль не нова. Разве все леди ее положения не обязаны сделать хорошую партию?

Геро покачала головой:

– Ждать, встречу ли я свою настоящую любовь в шестьдесят лет? Что, если я никогда не встречу? Нет никакой уверенности, что это произойдет. Вам бы больше понравилось, останься я старой девой, питая слабую надежду?

Гриффин с любопытством посмотрел на нее.

– Вы верите в одну-единственную настоящую любовь?

– Возможно, не в одну-единственную, но совершенно определенно во что-то похожее. Да, я думаю, что мы все способны влюбиться – даже сильно – и что где-то есть человек, который ответит на эту любовь. – Геро вдруг смутилась и сморщила нос. – Вы, разумеется, считаете разговор о настоящей любви глупым.

– Вовсе нет. Я твердо знаю, что романтическая любовь существует. Я наблюдал ее, в конце концов.

– И такой развратник, как вы, тоже мог бы потерять голову от любви к одной-единственной женщине? – Она спросила это совершенно серьезно.

– Возможно. – Гриффин повел плечом. – Хотя… чертовски неприятно попасть в такое положение.

– Значит, вы никогда не влюблялись?

– Никогда.

Геро кивнула:

– Как и я.

– Жаль. – Гриффин сжал губы, потом произнес: – Интересно, что это за ощущение? Быть одержимым страстью? Отдать все за единственного человека на свете?

Губы у нее дрогнули.

– Как романтично для развратника! Вы нарушили мое понимание об окружающем мире.

– Не обманитесь. Это моя внешняя оболочка, – весело заметил Гриффин. – Под ней скрыто животное.

Геро внимательно на него посмотрела, потом кивнула, словно пришла к заключению:

– Я едва ли смогу обмануться, учитывая обстоятельства нашей первой встречи.

Гриффин улыбнулся, скрывая разочарование.

– Но если вы настолько романтичны в отношении супружества, милорд, – сказала она, – то почему вы счастливо не женаты и не обзавелись дюжиной отпрысков?

– Я, миледи, верю в любовь, а не в идеальный брак. Быть привязанным к одной женщине на всю жизнь среди чумазых непосед? – Гриффин изобразил ужас. – Нет, я с радостью уступаю брачный статус со всеми причитающимися обязан-

ностями моему брату.

– А если вы вдруг влюбитесь? – спросила она. – Что тогда, милорд?

– Ну, тогда, миледи, я пропал. Привольная холостяцкая жизнь будет уничтожена под корень супружескими узами и… нежной ручкой. Но… – он поднял палец, – … это, как вы сами указали, очень маловероятно. Моя единственная подлинная любовь, возможно, живет в далеком Китае. Она может быть девяностолетней старухой или двухлетней крохой. Я могу никогда ее не встретить в этой жизни и благодарю заранее за это Бога.

Его слова вызвали легкую улыбку у леди Геро, а его сердце вдруг часто забилось. Улыбка – искренняя улыбка, полученная от этой женщины, – была таким же подарком, как… обнаженное тело какой-либо другой. Что за странные у него мысли!

– Почему, милорд?

– Потому что… – Гриффин наклонился к ней так близко, что от его дыхания задрожал рыжий завиток волос около ее уха, – … я получаю удовольствие от распутства, свободы и возможности развлекаться со столькими дамами, скольких пожелаю. Для меня настоящая любовь была бы полнейшей катастрофой. И даже если в ваших глазах я далек от совершенства, уверяю вас, что моя жизнь такая, какая есть.

Геро смотрела в бесстыжие зеленые глаза Рединга. Он

употребил слово «развлекаться» вместо того, грубого, которое произнес тогда в гостиной, но все равно его слова не казались менее отвратительными.

Геро представила множество женщин, распластавшихся на его постели, и его ритмично двигавшейся мускулистый зад. Господи, ей бы следовало возмутиться подобным видением, а она вместо этого всего лишь захотела прижать ладони к горящим щекам. Она увидела, что Рединг открыл рот, чтобы наверняка снова смутить ее еще более ужасными словами.

К счастью, их прервали.

– Могу ли я забрать свою невесту? – произнес Мэндевилл тоном, который едва ли можно было назвать дружеским.

Веселый блеск мгновенно улетучился из глаз Рединга, и мягкость тоже исчезла с его лица. Осталась лишь маска. У него был вид человека, ввязавшегося в почти обреченную на поражение битву.

Геро очнулась и увидела, что Мэндевилл протягивает ей руку.

– Моя дорогая?

Она улыбнулась, присела в реверансе перед Рединг и положила руку на локоть жениха.

– Мои поздравления с помолвкой, Томас. – Рединг отвесил брату подчеркнуто экстравагантный поклон.

– Леди Геро. – Ей он сдержанно кивнул и скрылся в толпе.

Геро выдохнула, даже не заметив, что не дышала несколь-

ко секунд.

– Надеюсь, он не слишком вас утомил, – сказал Мэндевилл и повел ее к середине бального зала.

– Совсем не утомил, – ответила Геро, скорее почувствовав, чем увидев, его острый взгляд.

– Некоторые дамы находят его весьма привлекательным. – Это было произнесено ровным тоном, но тем не менее в голосе прозвучало нескрываемое предупреждение.

– Уверена, что так оно и есть, – мягко заметила Геро. – Налет авантюризма и эта плутовская усмешка, несомненно, могут взволновать многих женщин. Но я всегда считала, что мужчина, который сознает свою ответственность и исполняет свой долг, намного привлекательнее того, кто проводит жизнь в забавах.

Рука под ее ладонью слегка расслабилась.

– Благодарю вас, моя дорогая.

– За что?

– За то, что ясно видите то, чего не замечают другие, – сказал он. – А теперь не соизволите ли потанцевать со мной?

Геро улыбнулась ему, с радостью отметив, что глаза Мэндевилла смотрят на нее по-доброму.

– Я сделаю это с большим удовольствием.

Они станцевали менуэт и контрданс, после чего Геро заявила, что хотела бы выпить чего-нибудь прохладительного. Мэндевилл подвел ее к ряду кресел у стены залы, усадил и отправился за пуншем.

Геро не могла не восхититься его широкими плечами и твердой поступью. Он то и дело останавливался. Кто-то поздравлял его с помолвкой, а кто-то просто хотел, чтобы его увидели разговаривающим с маркизом Мэндевиллом. Она удовлетворенно вздохнула. Максимус нашел ей идеального мужа.

– Вот ты где!

Батильда Пиклвуд – или, как ее называли в доме Баттенов, кузина Батильда – с трудом поместила свои объемистые формы в кресло рядом с Геро. Дальняя родственница с материнской стороны, кузина Батильда воспитала Геро и ее младшую сестру Фебу после смерти их родителей. Седые волосы кузины Батильды были завиты в мелкие кудряшки вокруг лба, а сверху красовался треугольный кружевной чепчик. Платье было ее любимого сливового цвета, пышный бюст украшали белые кружева и черные ленточки. Из-под локтя у нее выглядывала маленькая черно-коричнево-белая мордочка. Это Миньон, старая собачка-спаниель, которую кузина Батильда носила с собой повсюду.

– Дорогая, я должна с тобой побеседовать!

Кузина Батильда всегда говорила с пафосом, поэтому Геро не удивилась.

– Да?

– Ты не должна никогда больше танцевать с лордом Гриффином Рединг ом! – Кузина Батильда произнесла это таким тоном, словно сообщала государственную тайну. Миньон

гавкнула, как бы подчеркивая значимость слов хозяйки.

– Почему?

– Потому что он и лорд Мэндевилл ненавидят друг друга.

– Мм. – Геро рассеянно почесывала шелковое ухо Миньон. – Я заметила некоторую натянутость между ними, но я не стала бы заходить так далеко, чтобы назвать это ненавистью. Может, обычная антипатия.

– Хуже, намного хуже, чем антипатия, моя дорогая! Как ты не понимаешь… – Кузина Батильда понизила голос до шепота: – Лорд Гриффин соблазнил первую жену Мэндевилла!

Глава 3

Внизу под балконом королевы находились королевские конюшни. Там маленькая коричневая птичка устраивалась на ночлег, когда уставала летать. Каждое утро старший конюх сам чистил любимую гнедую кобылу королевы. Пока он водил по ней скребницей, маленькая птичка пела ему, усевшись на стропила. И иногда, если старший конюх внимательно прислушивался, то мог различить такие слова птички:

Высоко, высоко на стенах замка
Прекрасная дама плачет ночью одна.
О, неужели никто ее не утешит?

Из сказки «Королева с черными как вороново крыло волосами».

Позже вечером Геро с кузиной Батильдой возвращалась домой в карете. Она никак не могла отделаться от досадной мысли, что быть незамужней дамой порой бывает крайне неудобно.

– Почему никто не удосужился рассказать мне о скандале с первой женой Мэндевилла? – потребовала она объяснения от кузины.

– Это неподходящая тема для разговора с незамужней девушкой. – Кузина Батильда махнула рукой, чуть не стукнув по носу Миньон, которая лежала у хозяйки на коленях. – Любовная связь, обольщение и все такое. Да и разве я могла

представить, что ты станешь танцевать с этим мужчиной, едва встретив его?

– Он пригласил меня в присутствии Максимуса, – повторила Геро в третий или четвертый раз. – И с согласия Мэндевилла!

– А как он мог поступить иначе? – ответила кузина Батильда со свойственной только ей логикой, часто вызывавшей у Геро раздражение. – Но что сделано, то сделано. Просто в будущем тебе следует быть более осторожной.

– Но почему? – взбунтовалась Геро. – Неужели вы серьезно полагаете, будто я допущу, чтобы меня соблазнил какой-то распутник?

– Конечно, нет! – Кузина Батильда возмутилась от одной лишь подобной мысли. – Но все будут пристально за тобой наблюдать, когда этот человек приблизится к тебе.

– Это несправедливо, лично я не сделала ничего предосудительного. – Геро скрестила руки на груди. – Откуда вы знаете, что лорд Гриффин соблазнил первую жену Мэндевилла? Возможно, это просто гнусные сплетни.

– Если и так, то Мэндевилл в них верит, – заявила кузина Батильда. – Ты помнишь первую леди Мэндевилл?

– Смутно. Она ведь умерла четыре года назад?

– Немногим больше трех лет. Ты не могла с ней общаться. Она была слишком фривольна для молодой замужней леди, но она ведь из семьи Трентлок, – мрачно сообщила кузина Батильда. – Слишком легкомысленны эти Трентлоки, хотя и

хороши собой. Вот Мэндевилл и потерял голову. Энн Трентлок была красавицей, семья ее с родословной, да и не бедна. Когда объявили о помолвке, то все решили, что брак получится удачным.

Геро вздрогнула. То же самое думают про ее брак.

– Так что случилось?

– Лорд Гриффин Рединг – вот что случилось. – Кузина Батильда покачала головой. – Это человек безнравственный и распущенный, и был таким с тех пор, как умер его отец. Старый маркиз умер, когда младший сын учился в Кембридже. Рединг тут же оставил ученье и повел жизнь молодого лондонского повесы. Он общался с самыми худшими представителями из низов, совращал замужних дам и был замешан в двух дуэлях. И несмотря на эти скандалы, Мэндевилл не желал слышать ничего плохого о брате, даже когда Рединг начали отказывать в визитах.

– И что потом?

– Потом Мэндевилл женился на Энн Трентлок. Эта свадьба стала сенсацией светского сезона и, естественно, привлекла Рединга. – Кузина Батильда вздохнула. – Это произошло за год до твоего выхода в свет, дорогая, но я там была. Энн не отводила глаз от брата мужа – все это заметили. Ходили слухи о том, будто она хотела заполучить Рединга, но у Мэндевилла был титул.

Геро нахмурилась:

– И что сделал Рединг?

– Он вел себя, как обычно, но, конечно, не мог не заметить страсти Энн.

– А Мэндевилл?

– Что Мэндевилл? – Кузина Батильда пожала плечами. – Полагаю, что попытался сделать так, чтобы они не встречались, но ведь Рединг его брат. И произошло неизбежное – Рединг в результате нашел возможность соблазнить жену брата.

– Неизбежное только в том случае, если человек подлец, – пробормотала Геро. Эта история повергла ее в подавленное состояние. Она сознавала, что Рединг – распутник, но совершить такое по отношению к собственному брату… Это ужасно.

– Да, но ведь все знали, что он собой представляет. – Тут заскулила Миньон и стала скрести лапкой. Кузина Батильда рассеянно почесала ее за ухом. – Когда Энн умерла при родах, братья даже перестали разговаривать друг с другом. И пошли слухи о младенце. Господь сжалился над ним, и он тоже не выжил.

– Какие кошмарные вещи вы говорите, – прошептала Геро.

– Возможно, и так. Твое сострадание делает тебе честь. – Кузина Батильда поджала губы. – Но следует быть практичными… Если бы ребенок выжил, то кто считался бы его отцом? Никакой уверенности не было. Каким бы тяжким бременем это стало для Мэндевилла и для самого ребенка?

– Наверное, вы правы, – тихо сказала Геро и нахмурилась. Ей была не по душе такого рода практичность, когда смерть невинного младенца считается благом.

Кузина Батильда наклонилась вперед и похлопала Геро по коленке.

– Все это в прошлом. Просто помни, что надо держаться подальше от Рединга.

Геро кивнула. Она раздвинула занавески на окне кареты, но ночь была темной, и она увидела лишь собственное отражение в стекле. Умереть при родах – это страшно, но насколько страшнее умереть, предав мужа? Она задернула занавески. Такой судьбы она себе не желала.

Поездка домой заняла минут двадцать. Кузина Батильда дремала, а Миньон похрапывала у нее на руках.

– Господи! – Кузина Батильда зевнула, когда они выходили из кареты. – Чудесный бал, но я уже немолода, чтобы оставаться на ногах столько времени. Я, пожалуй, отправлюсь спать.

Они поднялись по белым мраморным ступеням городского дома, который Максимус купил три года назад для Геро, ее младшей сестры Фебы и кузины Батильды. До этого они жили все вместе в Уэйкфилд-Хаусе на одной из самых богатых площадей Лондона, однако потом Максимус заявил, что никуда не годится трем дамам пребывать в доме холостяка. Геро догадывалась, что Максимус таким образом обеспечивает себе покой и личную жизнь, поэтому не возражала. Ко-

нечно, их нынешний дом не выглядел таким помпезным, как Уэйкфилд-Хаус, но был достаточно удобным и даже изысканным.

Пандерс, дворецкий, открыл парадную дверь и поклонился, хотя ему мешал круглый живот.

– Добрый вечер, миледи, мадам.

– Скорее доброе утро, Пандерс, – заметила кузина Батильда, отдавая ему накидку и перчатки. – Пусть кто-нибудь из лакеев погуляет с Миньон перед сном, а потом принесет ее ко мне в спальню.

– Слушаюсь, мадам. – Пандерс взял на руки спаниельку и стоически выдержал, когда Миньон облизала ему подбородок.

Геро улыбнулась дворецкому, сняла накидку и последовала за кузиной наверх.

– Я очень горжусь тобой, тем, что ты заключаешь этот брак, – призналась кузина Батильда, стоя у дверей своей комнаты. Она снова зевнула, деликатно прикрыв рот рукой. – Ох, дорогая, я падаю с ног. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответила Геро и пошла по коридору в свою спальню. Было уже за полночь, но, как ни странно, спать ей не хотелось.

Она открыла дверь и не слишком удивилась, когда голова Фебы в ночном чепчике высунулась из-под одеяла на ее кровати.

– Геро!

Феба была самой младшей из детей Баттенов и совсем не походила ни на Геро, ни на Максимуса. Оба, и Геро, и Максимус, были высокими и стройными, Феба – маленькой и пухлой, к великому огорчению кузины Батильды. Пышные, вьющиеся светло-каштановые волосы выбивались из заплетенных на ночь косичек, карие глаза за круглыми стеклами очков смотрели с любопытством. В ночной батистовой рубашке она выглядела на двенадцать лет, хотя ей уже полгода, как исполнилось семнадцать.

– Почему ты до сих пор не спишь? – Геро закрыла за собой дверь и скинула туфли. Комнату освещали четыре канделябра, так что было светло и тепло. – А где Уэсли?

Феба спрыгнула с кровати.

– Я ее отослала. Я буду твоей горничной, а ты расскажешь мне все-все о бале. – Феба еще не выходила в свет, и поэтому ей не позволили посетить бал в честь помолвки, к ее громкому возмущению.

– Хм. Ну… Я не знаю… Особенно нечего рассказывать.

– Ой, не дразни меня. – Феба уже расстегивала крючки на лифе платья Геро. – Миссис Тейт была там?

– Да. И ты не представляешь, в каком платье, – сказала Геро, не в силах сердиться на Фебу.

– В каком?

– В ярко-алом. Почти такого же цвета, что и волосы. А вырез был такой низкий, что выглядел он просто непристойно. Клянусь, я видела, как мистер Гримшо споткнулся на ров-

ном месте, едва не свернув себе шею, чтобы разглядеть ее бюст.

Феба захихикала.

– Кто еще там был?

– О, да все. – Геро с помощью Фебы освободилась от лифа, и теперь обе принялись развязывать тесемки на юбках. Геро произнесла ничего не значащим тоном: – Я встретила брата Мэндевилла.

– Разве он не живет где-то на севере Англии?

– Лорд Рединг приехал на бал.

– Он похож на маркиза?

– Немного. Они оба высокие и смуглые, но во всем другом они совершенно разные. У лорда Гриффина Рединга удивительные бледно-зеленые глаза. Лицо худее, чем у Мэндевилла. Он выглядит не таким серьезным, как Мэндевилл, смеется и шутит, но я думаю, что он не очень счастлив. А то, как он двигается…

Геро вдруг поняла, что, несмотря на все свое старание говорить равнодушно, она, должно быть, чем-то себя выдала, потому что глаза у Фебы округлились.

– И как же он двигается?

У Геро запылали щеки. Она переступила через юбки, встряхнула и повесила их на спинку кресла – завтра Уэсли все вычистит и уберет в гардероб.

– Как-то необычно. На первый взгляд – неторопливо, но когда захочет, то быстрее, чем кто-либо еще.

– Как кошка, – сказала Феба, распуская у Геро корсет. – Помнишь того большого желтого кота, который жил возле конюшен в Уэйкфилд-Хаусе? Он всегда либо спал, либо лениво бродил вокруг, но стоило ему увидеть крысу – раз! – он кидался на нее молнией, и крыса уже у него в зубах. Лорд Гриффин похож на него?

– Да, похож, – ответила Геро, вспомнив, как Рединг моментально скрылся под диваном, когда лорд Пембрук входил в гостиную. – Похож на большого кота.

– По твоим рассказам он кажется мне очень милым.

– Нет! – Голос у Геро прозвучал так громко, что Феба опешила. – Прости, дорогая. Дело в том, что кузина Батильда всю дорогу домой донимала меня предостережениями о распутстве Рединга. Ты должна держаться от него подальше.

Феба надула губы.

– Так я никогда не встречу по-настоящему интересных людей.

Геро сочувствовала Фебе. Хотя сама она и могла выходить в свет, но ей дозволялось общаться только с самыми уважаемыми представителями высшего общества, с теми, на кого не пала и тень скандала.

– Среди весьма уважаемых людей есть не менее интересные, – заверила она Фебу, правда, на самом деле такой уверенности у нее не было.

Феба с сомнением на нее посмотрела.

Геро неохотно призналась:

– Ну, по крайней мере можно хотя бы взглянуть на скандальных особ, когда беседуешь с респектабельными людьми.

– Намного интереснее познакомиться с ними.

– Уверяю тебя, что было занятно наблюдать, как миссис Тейт идет по зале, полной глупо глазеющих на нее джентльменов.

– Ох, как бы я хотела быть там, – вздохнула Феба.

– В следующий сезон тебе исполнится восемнадцать, и мы устроим грандиозный бал по поводу твоего выхода в свет, – напомнила Геро, усаживаясь за туалетный столик.

Феба вытащила булавку из ее прически.

– Но у тебя тогда появятся заботы замужней дамы. А со мной останется только кузина Батильда. Я ее очень люблю, но она такая старая и… ой! – Геро увидела в зеркале, как у нее за спиной исчезла голова Фебы.

– Боже, я уронила булавку.

– Не беспокойся, дорогая, и не ищи.

– Но это одна из изумрудных булавок.

Геро обернулась на табурете и увидела, как ее сестра опустилась на колени и шарит руками по ковру. Сердце у Геро сжалось. Изумрудная булавка лежала прямо под носом Фебы.

– Вот она. – Геро нагнулась и подобрала булавку.

– Ох! – Феба встала и поправила на переносице очки. Ее милое личико скривилось. – Как же я могла ее не увидеть?

– Не важно. – Геро положила булавку в стеклянное блюдце

на туалетном столике. – На полу темно, свет сюда не доходит. Давай я лучше расскажу тебе, как был украшен бальный зал.

– Конечно, расскажи!

И Геро в мельчайших подробностях стала рассказывать, как был украшен Мэндевилл-Хаус, какое подавалось угощение и какие танцы она танцевала.

Феба слушала и расчесывала ей волосы. Наконец сестра забыла про булавку и ее лоб разгладился, но на сердце у Геро все равно осталась тяжесть. Она смотрела на отражение свечей в зеркале и думала о том, что в комнате очень светло. Как днем.

Сент-Джайлз показался Гриффину настоящим адом, особенно после милых сельских пейзажей Ланкашира. Было темное раннее утро. Он направил Бродягу (коня), своего гнедого коня, вдоль вонючей сточной канавы, которая тянулась прямо по середине узкой улочки. Выбрать путь покороче он не мог, потому что проулки были слишком узки для Бродяги. И будь он проклят, если оставит своего коня где-нибудь здесь – его тотчас украдут, стоит только хозяину отойти.

Гриффин пригнул голову, проезжая под вывеской свечной лавки. Фонаря около двери не оказалось, как это принято в более приличном месте Лондона. Единственный свет падал от бледного диска луны. Слава богу, что ночь была ясной.

Впереди распахнулась дверь, из которой вывалились два

головореза. Гриффин положил правую руку на заряженный пистолет, засунутый в седло, но пьяницы не обратили на него никакого внимания. Они задержались лишь на минуту, потому что одного из них вырвало в канаву, а потом, шатаясь, ушли прочь.

Гриффин с облегчением выдохнул, убрал руку с пистолета и похлопал Бродягу по шее.

– Уже недалеко, приятель.

Он поехал вперед по переулку, потом свернул на улицу чуть пошире с кирпичными и оштукатуренными домами, некоторые с нависающими верхними этажами. Едва заметная дверь в высокой кирпичной стене вела во двор. Гриффин натянул поводья, вытащил пистолет из седельной сумки и постучал рукояткой в деревянную дверь.

Почти тут же грубый голос спросил:

– Кого там еще несет?

– Рединг. Впусти меня.

– И как я узнаю, что это вы, милорд?

– Потому что я единственный, кто знает про ту ночь в «Хромом черном петушке», когда ты выпил дюжину пинт эля и…

Дверь раскрылась, и взору Гриффина предстало самое что ни на есть уродливое лицо во всем Лондоне: бегающие глаза, вдавленный плоский нос, беззубый рот, постоянно приоткрытый по причине затрудненного дыхания. Морщинистые щеки и подбородок были словно плесенью покрыты щетиной

и старыми отметинами от оспы и шрамами. Мужчина был среднего роста, но его руки и плечи казались непропорционально большими, а ладони походили на огромные ошметки мяса. Кто-то мог счесть его боксером, а кто-то наемным убийцей. И те и другие могли быть правы.

– Я очень рад видеть вас, милорд, – сказал Ник Барнс. – Мы с ребятами тут за всем следим, но ваша помощь точно не помешает.

– Были еще нападения? – Гриффин спрыгнул с Бродяги, но пистолет держал в руке и внимательно осматривался, пока вел лошадь во двор.

Двор был вымощен булыжником, с трех сторон стояли дома. Гриффин скупил все эти здания в прошлом году в целях предосторожности. Сейчас он похвалил себя за предусмотрительность.

– Кое-кто попытался пролезть позапрошлой ночью, но мы его быстренько выбили, – сообщил Ник, запирая дверь тяжелым дубовым засовом.

Гриффин провел Бродягу к древнему каменному желобу, по которому стекала вода, чтобы конь напился.

– Ты думаешь, он отстанет?

– Викарий не отстанет, пока не сдохнет, милорд, – спокойно ответил Ник.

Гриффин хмыкнул. Он не верил в то, что Чарли Грэди, или, как его еще богохульно называли, Викарий Уайтчепе-

ла[3], легко сдастся. Викарий запустил свою грязную лапу в большинство мест незаконной торговли джином к востоку от Бишопсгейта, а теперь начал расширять завоеванную территорию к западу, в сторону района «Семи рож» в Сент-Джайлзе.

А это являлось посягательством на интересы Гриффина.

Гриффин еще раз похлопал мерина и повернулся к Нику:

– Пошли посмотрим.

Ник кивнул и повел его к строению напротив каменной стены, огораживавшей двор.

Он открыл крепкую деревянную дверь, обитую железом, и крикнул:

– Эй, Уиллис! Вы с Тимом идите и посторожите двор.

Двое мужчин, тяжело ступая, вышли из дома и поклонились Гриффину. Один держал в руке дубинку, другой – длинный нож, смахивавший на саблю.

Ник проследил, чтобы они встали у двери во двор, затем кивнул Гриффину:

– Сюда, милорд.

Нижний этаж представлял собой одну большую, похожую на пещеру комнату. Массивные кирпичные столбы поддерживали верхние этажи. Четыре очага горели под огромными закрытыми медными котлами, каждый размером в человеческий рост. Из котлов торчали медные трубки, соединенные с медными котелками поменьше, а те, в свою очередь,

---

[3] Один из беднейших районов лондонского Ист-Энда.

соединялись с дубовыми бочками. Запах дыма, брожения, ягод можжевельника и скипидара стоял в тяжелом влажном воздухе. В помещении находилось еще с десяток мужчин. Несколько человек поддерживали огонь или следили за содержимым котлов, а остальные просто стояли, нанятые, вероятно, из-за своей физической силы.

– Я перебросил сюда почти все винокурни, – сказал Ник, указывая на котлы, – кроме одной на Эбби-стрит – ее взорвали люди Викария.

Гриффин кивнул:

– Ты правильно поступил, Ник. Одно заведение легче охранять, чем несколько.

Ник сплюнул на каменный пол.

– Да, это так, но у нас возникнут другие сложности, когда начнет поступать зерно.

– Какие именно?

Ник кивнул в сторону двери.

– Внешняя дверь. Она слишком узкая, чтобы пропустить повозку с зерном. Нам придется перебрасывать мешки через стену, а пока мы их разгрузим, и повозка, и ребята, и это проклятое зерно будут выставлены на обозрение как пулярки в ожидании, когда их ощиплют к воскресному ужину.

Гриффин поморщился и ничего не ответил Нику. Он следил за тем, как поддерживали огонь в очагах под огромными медными котлами. Большая часть его дохода – и не только его – была вложена в это дело, а гнусный Викарий заявил,

что разрушит все другие винокурни и станет королем джина в Лондоне.

Так уж случилось, что Гриффин владел самыми крупными винокурнями в Сент-Джайлзе.

Сайленс Холлингбрук проснулась от того, что крошечные детские пальчики тыкали ей в веки. Она с трудом разомкнула их. На нее смотрели большие карие глазки, опушенные густыми ресницами. Мэри Дарлинг – обладательница этих глаз – села, захлопала пухлыми ручонками и завизжала, радуясь тому, что ей удалось разбудить Сайленс:

– Маму-у!

Сайленс улыбнулась, глядя на свою маленькую соседку по кровати.

– Сколько раз я тебя просила не тыкать маме в глазки, маленький бесенок?

Мэри Дарлинг захихикала. В год с небольшим она научилась говорить три слова: «маму», «нет!» и «Са» – так она называла кота по кличке Сажа, который не питал к ней таких же нежных чувств.

Сайленс бросила взгляд в окошко своей мансардной комнаты и в ужасе села. Солнце уже давно взошло и ярко светило.

– О господи. Тебе бы ткнуть меня в глаза чуть пораньше. Я опять проспала.

Она торопливо умылась. Ее не оставляло ощущение, что

она забыла что-то важное. Сайленс сменила Мэри Дарлинг подгузник, одела ее и оделась сама. И как раз вовремя, потому что раздался стук. Сайленс, запыхавшись, кинулась к двери – на пороге стоял ее старший брат Уинтер.

– Доброе утро, сестра, – с серьезным видом произнес он. Уинтер редко улыбался, но когда увидел на руках Сайленс малышку, его глаза ласково засияли.

– И тебе доброе утро, мисс Мэри Дарлинг.

Девочка громко засмеялась и схватила ручонкой черную шляпу Уинтера.

– Прости, – сказала Сайленс, осторожно вытащив из пальчиков Мэри Дарлинг поля шляпы. – Я хотела спуститься вниз пораньше, но… проспала.

– А! – В голосе Уинтера не слышалось упрека, и от этого Сайленс стало еще хуже.

Она начала работать в приюте для обездоленных младенцев и подкидышей полгода назад, но до сих пор чувствовала себя неуверенно. Заниматься делами приюта, где живут двадцать девять детей и младенцев, – задача не из легких даже с помощью Уинтера и троих слуг.

Сомнения в своих способностях усугублялись у Сайленс еще и потому, что ее предшественницей была старшая сестра Темперанс. За все те годы, что Сайленс посещала приют, когда его возглавляла Темперанс, сестра была всегда чем-то занята, всегда везде поспевала и порой уставала до изнеможения. Иногда в голову Сайленс закрадывалась крамольная

мысль: а стоило ли Темперанс быть такой образцовой?

Последнее время Сайленс все чаще задумывалась о том, а на своем ли она месте, умеет ли она управляться… с приютом, да и со своей собственной жизнью тоже.

– Нелл отвела детей завтракать, – сообщил Уинтер.

– А! А, да, – пробормотала Сайленс, пристраивая Мэри Дарлинг у себя на бедре и одновременно извлекая изо рта ребенка ленту.

– Нет, дорогая, это есть нельзя. Мне пойти ей помочь? – спросила она брата.

– Было бы неплохо, – пробормотал Уинтер. – Увидимся за обедом.

Сайленс закусила губу, вспомнив, что бедняге Уинтеру пришлось вчера пообедать хлебом и сыром, поскольку она забыла сварить суп.

– Я постараюсь, очень постараюсь сегодня подать обед вовремя.

Уинтер еле заметно улыбнулся.

– Не волнуйся ты так – я… тебя не ругаю. К тому же я люблю сыр. – Он коснулся пальцем ее щеки. – А теперь мне пора. Если я не окажусь в школе до прихода мальчиков, одному богу известно, какую проказу они вытворят в мое отсутствие.

Уинтер ушел – его башмаки застучали на ступенях. Сайленс не представляла, откуда у него берутся силы не только помогать в приюте, но и работать в школе для мальчиков.

Сайленс вздохнула и вышла следом за ним, осторожно ступая по шаткой лестнице. Приют раньше располагался в старом, но крепком здании, а в начале года дом сгорел. Сейчас благодаря щедрости патронесс приюта – старшей леди Кэр и леди Геро, строится новый дом. Там будет много комнат, большая кухня и сад, где дети смогут побегать на свежем воздухе. Сейчас, к сожалению, этот новый дом еще не построен.

А пока что Уинтер, Сайленс, трое слуг, кот Сажа и все дети – за исключением двоих грудных младенцев, отданных кормилицам, – жили в маленьком ветхом доме в Сент-Джайлзе. Сайленс могла бы остаться в Уэппинге, но тогда ей пришлось бы каждый день совершать долгий путь в Сент-Джайлз и обратно. Да и глупо жить одной в комнатах, отведенных ее мужу Уильяму. Уильям был капитаном торгового судна «Зяблик» и почти постоянно находился в море.

И еще была Мэри Дарлинг.

Сайленс поцеловала девочку в круглую щечку. Мэри Дарлинг оставили на пороге ее дома семь месяцев назад. Для Сайленс это было трудное время – Уильям находился в море, а простились они очень холодно. Мэри Дарлинг стала светлым лучиком в ее жизни, и Сайленс ни за что не хотела с ней расставаться, даже возвращаться домой на ночь не хотела.

Голоса детей донеслись до Сайленс еще на лестнице. На первом этаже темный коридор вел на кухню – большую комнату с почерневшими балками потолка. Два длинных сто-

ла занимали середину комнаты: один для мальчиков, другой для девочек. При виде других детей Мэри Дарлинг начала подпрыгивать.

– Сейчас, моя милая. – Сайленс взяла миску с кашей, ложку и села на свободное место за столом с девочками, держа Мэри Дарлинг на коленях. – Всем доброго утра.

– Доброе утро, миссис Холлингбрук, – хором ответили девочки и кое-кто из мальчиков. Даже кот Сажа поднял мордочку от блюдца – с усов у него капало молоко.

Мэри Ивнинг[4], девочка, сидевшая с ними рядом, наклонилась к малышке:

– Доброе утро, Мэри Дарлинг.

Мэри Дарлинг с полным ртом каши радостно замахала ложкой и едва не угодила Мэри Ивнинг в нос.

– Осторожно, Мэри Ивнинг, – сказала Нелл Джонс, набрасывая на колени Сайленс полотенце.

Нелл была веселой светловолосой женщиной лет тридцати с небольшим и самой старшей из служанок. Раньше она работала артисткой в бродячем театре. Она умела и распорядиться, если нужно, так что Сайленс полагалась на нее.

– Спасибо, Нелл, – поблагодарила Сайленс. Завтракать с ребенком на коленях и не испачкаться – почти невозможное занятие, что Сайленс за последние месяцы уже поняла.

– Пожалуйста, мэм. А ты, – она наклонилась к малышке и сделала грозное лицо, – не балуйся с такой большой ложкой.

---

[4] Ивнинг по-английски означает вечер.

Мэри Дарлинг засмеялась и разбрызгала кашу по платьицу. Сайленс вздохнула, вытерла грязное пятно и стала есть сама. Завтрак почти закончился, и если она сейчас не поест, то до обеда такой возможности ей не представится.

Она торопливо ела густую кашу, запивая чаем – Нелл поставила перед ней кружку, – и при этом успевала кормить Мэри Дарлинг, отодвинув горячую кружку и свою миску с кашей подальше от ребенка. Мэри Дарлинг уже могла бы есть самостоятельно, но результат был удручающим – Сайленс это знала.

Вокруг дети с аппетитом уплетали кашу – им помогали Нелл и вторая служанка Элис. В приюте еще работал Томми – на него были возложены обязанности посложнее, чем уход за детьми, а также он бегал с разными поручениями.

Нелл хлопнула в ладоши:

– Дети, пора привести себя в порядок. У нас впереди много дел, а к нам сегодня приедет очень важная гостья.

Сайленс едва не поперхнулась последней ложкой каши. О боже! Она совсем забыла. Леди Геро сегодня приезжает проверить, как идут дела в приюте. Леди Геро не только их патронесса, она к тому же дочь герцога. Сайленс отодвинула миску – ее даже затошнило. Когда-нибудь она сможет чувствовать себя на своем месте как управительница приюта?

Геро осторожно выбралась из кареты. Осторожно, потому что на улицах Сент-Джайлза следует смотреть, куда сту-

паешь. Сбоку в канаве лежал человек. Геро обошла его как можно дальше, сморщив нос от запаха джина. Вот еще одна жертва ужасного зелья. Какое облегчение будет для Лондона, если употребление джина запретят!

Обойдя пьяного, Геро направилась по узкой улочке к дому, где временно размещался приют для обездоленных младенцев и подкидышей. Она подавила вздох – уж больно ветхим казался дом. Как патронесса этого заведения она чувствовала вину, когда видела, в каком удручающем состоянии находится дом, где живут дети.

Миссис Холлингбрук, управительница приюта, присела перед ней в неловком реверансе.

– Добрый день, леди Геро.

Геро кивнула и улыбнулась – как она надеялась, любезно. Дело в том, что она стала патронессой приюта при прежней управительнице Темперанс Дьюс – теперь она младшая леди Кэр. Геро сразу подружилась с тогдашней миссис Дьюс, но с миссис Холлингбрук такого не случилось – по крайней мере пока.

Миссис Холлингбрук была моложе и менее уверена в себе, чем ее старшая сестра. Ее лицо напоминало Геро средневековую святую – бледный, строгий овал, – и подобно одной из этих великомучениц на картинах она, казалось, полнилась неизбывной печалью, столь близкой душе самой Геро.

– Не соизволите ли войти и выпить чашечку чая? – спросила миссис Холлингбрук, выполняя официальный ритуал,

и отступила в сторону, пропуская вперед Геро.

Геро переступила порог, стараясь не замечать потрескавшуюся штукатурку на стенах прихожей. В задней части дома находилась узкая комната, куда и вошла Геро. Внутри – четыре кресла, низкий стол и секретер. Геро уселась в одно из кресел и сняла шляпу. Миссис Холлингбрук засуетилась, готовя чай.

Наконец она поставила чайник на стол.

– Без сахара, миледи?

Геро улыбнулась:

– Да, пожалуйста.

– Куда же я положила ложки? – Миссис Холлингбрук держала полную чашку в руке, едва не перелив через край горячую жидкость, пока искала ложки на чайном подносе. – Но если вам не нужен сахар, то, возможно, вам и ложка не понадобится?

– Думаю, что не понадобится. – Геро забрала из рук миссис Холлингбрук чашку, пока та не обожглась. – Благодарю вас.

Миссис Холлингбрук смущенно улыбнулась и сделала глоток из своей чашки. Геро опустила глаза. Люди часто испытывали неловкость или застенчивость в ее присутствии, и она это знала. Ее титул пугал их. Эта трудность преследовала ее постоянно. Как вести себя так, чтобы другим было легко с ней общаться?

Геро вздохнула и подняла глаза:

– В доме появились новые дети, не так ли?

– О! О да. – Миссис Холлингбрук выпрямилась и осторожно поставила чашку на стол. Она сложила руки на коленях, словно собиралась рассказать заученный стишок. – С тех пор как мы виделись с вами в прошлом месяце, миледи, мы взяли двух младенцев – мальчика и девочку – и маленького мальчика четырех лет. Мальчик, Генри Патман, он…

Миссис Холлингбрук замолчала, потому что Геро кашлянула.

– Прошу прощения, но я полагала, что все мальчики получают в приюте имя Джозеф.

– Да, они обычно получают именно это имя, но у Генри Патмана уже было имя… и так получилось, что он не пожелал от него отказаться. Мы подумали, что будет правильнее оставить ему его имя.

Геро понимающе кивнула:

– Пожалуйста, продолжайте, миссис Холлингбрук.

– Я никогда не могла понять, почему Уинтер и Темперанс решили называть всех мальчиков Джозефами, а всех девочек Мэри. Иногда это очень мешает и создает путаницу.

– Полагаю, что так, – согласилась Геро.

Миссис Холлингбрук улыбнулась, и вдруг ее бледное лицо засветилось и стало почти красивым.

– Мы также определили двух наших девочек в обучение в прошлом месяце. А на те деньги, которые вы и старшая леди Кэр нам дали, мы купили им обеим новую одежду, обувь,

корсеты, молитвенники, расчески и теплые зимние накидки.

– Очень хорошо. – Геро одобрительно кивнула. По крайней мере хоть какая-то ее помощь пришлась кстати. – Может, сейчас мы пройдем по дому?

– Конечно, миледи. – Миссис Холлингбрук вскочила на ноги. – Пройдемте сюда. Дети всю неделю разучивали для вас песню.

Миссис Холлингбрук повела Геро по темному коридору и наверх по расшатанной лестнице. Они миновали второй этаж – Геро знала по своим предыдущим визитам, что там спальни сирот. На третьем этаже находились комната для совсем маленьких детей и младенцев и небольшая комната, которую использовали как классную. Миссис Холлингбрук повела Геро туда и торжественно распахнула дверь. Там в два ряда стояли с десяток старших детей – все с вымытыми лицами и с приглаженными – еще мокрыми от воды – волосами. Когда Геро вошла, они хором выкрикнули:

– Добрый день, леди Геро!

Она улыбнулась:

– Добрый день, дети.

Тут один из мальчиков хихикнул. Суровый взгляд Нелл Джонс мгновенно утихомирил шалуна.

Миссис Холлингбрук кивнула, и дети немного вразнобой затянули песню. Скорее всего это был гимн, но Геро не смогла разобрать ни мелодии, ни слов. Во время пения с ее лица не сходила улыбка, даже когда одна девочка от чрезмерного

старания пискнула, а один мальчик ткнул другого локтем в бок, от чего тот взвизгнул.

Песня закончилась на высокой скрипучей ноте, и Геро заставила себя не поморщиться. Она захлопала, а маленький мальчик, который ударил соседа, заулыбался ей во весь щербатый рот.

– Замечательное выступление, дети, – сказала леди Геро. – Благодарю вас за пение. И благодарю ваших учительниц.

Миссис Холлингбрук очень мило покраснела. Когда они спускались по лестнице к входной двери, она сказала:

– Спасибо, что вы приехали, миледи. Дети с нетерпением ждут ваших визитов.

Геро понимала, что миссис Холлингбрук говорит ей все это по обязанности – как патронессе приюта, – но когда она взяла ее руку, то ей показалось, что управительница искренне так считает.

– Я тоже с удовольствием здесь бываю, – призналась Геро.

Ей хотелось сказать что-нибудь еще. Пообещать, что вскоре воспитанники смогут выехать из этого ужасного временного жилища. Обнадежить миссис Холлингбрук, что у детей появятся новые кровати, новая классная комната и большой сад, чтобы побегать там весной. Вместо этого она снова улыбнулась и попрощалась.

С тяжелым сердцем Геро пробиралась обратно по улице к своей карете. Ее не оставляло предчувствие, что следующий визит получится еще менее приятным, поскольку скорые пе-

ремены маловероятны.

– Пожалуйста, отвези меня на Мейден-лейн, – велела она кучеру, прежде чем сесть в карету.

Карета двинулась, и Геро выглянула в окно.

– Эй! – прокричал мужской голос – знакомый мужской голос – совсем рядом.

Карета резко остановилась.

Геро подалась вперед. Этого не может быть…

Дверца распахнулась, и в карету взобрался высокий мужчина. Он уселся напротив нее на мягкие красные подушки сиденья с таким видом, будто карета была его собственной.

Геро уставилась на него.

– Вот мы и встретились снова, леди Совершенство, – растягивая слова, произнес лорд Гриффин.

Глава 4

Пришло время, когда королева Черновласка решила, что ей нужно снова выйти замуж. В конце концов, у королевы должен быть король, а у королевства наследник. Поэтому королева посовещалась с советниками, министрами и учеными мужами, чтобы решить, кто же подойдет ей в мужья по положению. Вопрос оказался очень трудным. Советники считали принца Западная Луна идеальной партией для королевы, но министры отвергли с презрением этого принца и вместо него предложили принца Восточное Солнце. Однако оказалось, что ученые мужи ни во что не ставили обоих принцев и сочли только принца Северный Ветер идеальным избранником для королевы…

Из сказки «Королева с черными как вороново крыло волосами».

Гриффин не поверил своим глазам, увидев, как леди Геро вошла в карету в самой что ни на есть отвратительной части Сент-Джайлза. Он велел ее кучеру остановиться, назвал свое имя и, быстро привязав Бродягу к задку кареты, впрыгнул внутрь.

Леди Геро сощурила свои красивые серые глаза.

– Лорд Рединг. Как я рада снова вас встретить.

Он с улыбкой склонил голову набок.

– Неужели я уловил налет сарказма в ваших словах, миледи?

Геро скромно опустила глаза.

– Леди никогда не проявляет сарказма в отношениях с джентльменом.

– Никогда? – Карета накренилась на повороте, и он подался вперед. – Даже если ее побуждает к этому джентльмен, который… скажем, не очень-то похож на джентльмена?

– В этом случае – особенно. – Геро поджала губы. – Леди всегда сохраняет самообладание, всегда тщательно выбирает слова и всегда употребляет их в соответствии с обстоятельствами. Она никогда не насмехается над джентльменом, как бы ее к этому ни провоцировали.

Геро перечислила все правила, словно знала их наизусть, и с таким серьезным видом, что он сразу не обратил внимания на едва заметную иронию ее тона. Но нет, он, конечно, заметил. Он не сомневался, что она следует этим правилам, общаясь с Томасом.

– Возможно, мне придется приложить больше старания, чтобы спровоцировать вас, – не подумав, пробормотал он.

На мгновение их взгляды встретились. Ее широко раскрытые глаза смотрели искренне. Сознательно или нет? Возможно, это женская хитрость.

Она опустила глаза и спросила:

– Что вы делаете в Сент-Джайлзе, милорд?

– Еду в вашей карете. – Гриффин вытянул ноги в узком

пространстве между сиденьями. – Это ведь ваша карета?

– Разумеется, – натянуто ответила она.

– Это хорошо, – как ни в чем не бывало продолжал он. – Мне бы крайне не хотелось выговаривать Томасу за то, что он одолжил вам свою карету для поездки по сточным канавам Сент-Джайлза. Если только, – он выразительно на нее посмотрел, словно эта мысль лишь сейчас пришла ему в голову, – если только не Уэйкфилд позволил вам сюда приехать?

Геро гордо вскинула подбородок:

– Я не ребенок, лорд Гриффин. И мне вряд ли понадобится разрешение брата, чтобы поехать туда, куда захочу и когда захочу.

– Значит, Уэйкфилд не удивится, если я ему сообщу, где мы с вами встретились, – вкрадчивым тоном произнес Рединг.

Геро моментально отвернулась, тем самым подтвердив его подозрения.

Гриффина охватил гнев, горячий и молниеносный. Он этого совершенно не ожидал. Не ожидал, что на него обрушится такое животное ощущение. Не все ли ему равно, если идеальная невеста Томаса подвергнет свою жизнь опасности, разъезжая по трущобам Сент-Джайлза? Здравый смысл подсказывал, что его это не касается.

К сожалению, здравый смысл не управлял его чувствами. Леди Геро не должна находиться в этом месте! Гриффин с

трудом сдерживался, чтобы не схватить ее в охапку, унося отсюда подальше, и не высказать все, что он думал о самовольных девицах, их безрассудных братьях и о той ужасной участи, которая может постигнуть изнеженных леди в лондонских трущобах.

Гриффин сделал глубокий вдох и потер глаза. Господи, до чего же хочется спать!

– Сент-Джайлз отнюдь не подходящее место для прогулок, миледи, – как можно вежливее заметил он. – Что бы ни привело вас сюда, не может…

– Пожалуйста, не надо относиться ко мне покровительственно.

– Очень хорошо. – У Гриффина на скулах заиграли желваки. Черт, он не привык к высокомерному отношению, тем более со стороны женщин. – Скажите мне, зачем вы здесь?

Геро закусила губу и отвернулась.

– Либо скажете мне, либо Уэйкфилду. Выбирайте.

– Раз уж вы так настаиваете. – Геро разгладила ладонями юбку. – Я собираюсь осмотреть строительство детского приюта.

Он ожидал чего угодно, но не этого.

– Зачем?

– Потому что я одна из его патронесс.

Брови Рединга полезли на лоб:

– Весьма похвально. Но почему держать это в секрете от брата?

– Это не секрет. – Геро заметила его недоверчивый взгляд и пояснила: – То, что я являюсь патронессой, не секрет. Максимус прекрасно знает, что я связана обещанием помогать приюту. Проблема не в этом, а в том, где находится приют. Он не хочет, чтобы я ездила в Сент-Джайлз.

– Рад, что он проявляет такое благоразумие, – сухо заметил Гриффин. – Тогда зачем вы это делаете?

– Потому что я – патронесса! – Леди Геро бросила на него взгляд оскорбленной королевы, чему не помешали даже веснушки на носу. – Это моя обязанность. Мне необходимо убедиться в том, что новый дом возводится должным образом.

– Вы занимаетесь этим одна?

– Есть другая патронесса – леди Кэр. Но ее сейчас нет в Англии. – Геро закусила губу. – Мне следовало, конечно, поехать к лорду Кэру, ее сыну, или к его новобрачной, младшей леди Кэр, – она сестра управительницы приюта и раньше сама этим занималась. Но дело в том, что они недавно поженились и уехали на несколько месяцев в загородное поместье лорда Кэра.

Гриффин непонимающе уставился на нее.

– И в настоящий момент вы одна контролируете строительство дома?

– Да. – Геро гордо вздернула подбородок, но ее хорошенький ротик задрожал.

Он удивленно поднял брови и ждал, что она еще скажет.

– Все идет не очень хорошо, – поколебавшись, быстро

произнесла она, сложив руки на коленях. – В общем, очень плохо, даже ужасно. Архитектор, которого мы наняли, оказался ненадежным. Вот почему я собиралась сегодня сама туда поехать… и посмотреть, что он успел сделать за последнюю неделю.

– Или чего не успел? – Как странно, что ее доверчивое признание вызвало у него в душе такое теплое чувство.

Она кивнула:

– И это тоже.

Гриффин покачал головой:

– Вам следовало рассказать обо всем Уэйкфилду. Он мог бы сам этим заняться или поручить кому-нибудь.

И снова она гордо вскинула голову:

– Патронесса я, а не Максимус. Это мой долг. Помимо этого, – тут ее голос прозвучал уже не столь самоуверенно, – Максимус скорее всего запретит мне быть патронессой, если я сообщу ему о своих неприятностях. Он был крайне недоволен, когда узнал о моем решении помогать приюту.

– Может, ему не нравится, что его деньги тратятся таким образом.

– Это мои деньги, лорд Гриффин. Наследство моей двоюродной бабушки, помимо приданого. Я владею им независимо от Максимуса… или от кого-либо еще. Я могу делать с этим все, что пожелаю, а я желаю помочь детям, которые живут в этом приюте.

– Прошу прощения за неверные выводы. – Гриффин под-

нял руки, показывая, что сдается. – Почему вашему брату ненавистна даже мысль о том, что вы помогаете сиротам?

Геро поморщилась:

– Дело не в сиротах, а в том, где они живут. Наших родителей убили на одной из улиц Сент-Джайлза. Брат ненавидит это место.

– А! – Гриффин откинул болезненно пульсирующую голову на мягкую спинку сиденья.

– Мне было восемь лет, когда это случилось, – тихо сказала она, хотя он ее не спрашивал. – Они поехали посмотреть пьесу и взяли с собой Максимуса – ему тогда исполнилось четырнадцать. Мы с Фебой остались дома – были еще слишком маленькими для таких взрослых развлечений.

Гриффин нахмурился, неожиданно заинтересовавшись:

– Странно. Ведь в Сент-Джайлзе нет театра.

– Не знаю. – Геро покачала головой. – Максимус никогда мне об этом не говорил… даже если и знал. Я помню, как проснулась на следующее утро от того, что кто-то плакал. Наша няня очень любила маму, и все слуги были в ужасном состоянии.

– Не сомневаюсь, – тихо произнес он.

Она повела плечом – неловкое движение, не похожее на ее обычную грациозность.

– Максимус сидел в своих комнатах несколько дней и не хотел ни с кем разговаривать. Домом никто не занимался. Я помню, как в то утро ела холодную кашу в детской, а снизу

доносились топот и разговоры взрослых. На меня никто не обращал внимания. Потом появились поверенные и юристы, какие-то чужие люди. Лишь когда через две недели приехала кузина Батильда, я почувствовала, что кому-то нужна и кто-то обо мне позаботится. Она душилась сладкими духами, а ее черные юбки были жесткие и колючие, и я не прижималась к ней, как это делала Феба.

Геро посмотрела на него с извиняющейся улыбкой.

А он представил ее маленькой девочкой, бледной, серьезной, с веснушками. Эта девочка боялась, что на свете нет никого, кому она нужна, кто позаботится о ней. Ему стало больно за нее.

Гриффин выглянул в окно, рассеянно отметив, что улицы выглядят еще хуже, чем раньше, если только такое возможно.

– Вы сюда опять приедете?

– Да, – без колебания ответила она.

– Понятно. – Гриффин потер руками лицо – щетина на скулах уколола ему ладони. Он наверняка выглядит как грязное животное. Господи, только на прошлой неделе в Сент-Джайлзе напали на женщину и убили. – Послушайте, мне совесть не позволяет допустить, чтобы вы ходили одна по улицам Сент-Джайлза.

Геро застыла, и губы у нее дрогнули – наверняка она хотела возразить.

Он наклонился к ней, опершись локтями о колени, и по-

смотрел прямо в глаза.

– Я не могу этого допустить – и это окончательно, – так что оставьте при себе ваши причины и доводы.

Геро молча вскинула подбородок и отвернулась к окну.

Гриффин не удержался и улыбнулся – она так величественна в своей обиде на него.

– Но я хочу предложить вам сделку.

Брови у нее нахмурились.

– Какую сделку?

– Я не расскажу ни Уэйкфилду, ни Томасу о ваших «прогулках» по Сент-Джайлзу, если вы позволите мне сопровождать вас.

С минуту Геро просто смотрела на него, потом решительно покачала головой:

– Я не могу на это согласиться.

– Почему?

– Потому, лорд Гриффин, что меня не должны видеть в вашем обществе, – сказала она, а его словно окатили ледяной водой. – Я знаю, что вы соблазнили первую жену вашего брата.

Рединг запрокинул голову и расхохотался. Смех был веселый, но что-то насторожило Геро. Она вдруг остро ощутила, что они находятся в тесном пространстве кареты, а она не очень-то хорошо знает Рединга.

А то, что ей известно, говорит не в его пользу.

Она с опаской наблюдала за ним. Рединг перестал смеяться, вытер глаза рукавом и перевел дух.

Когда он на нее снова посмотрел, в его глазах промелькнул гнев.

– Слушаете сплетни, леди Совершенство?

Геро встретила его разъяренный взгляд спокойно.

– Вы отрицаете это обвинение?

– К чему? – Его рот скривился в неприятной ухмылке. – Вы и все остальные глупые, жалкие сплетники уже все решили. Возражать и говорить, что меня оболгали? Не желаю выглядеть дураком.

От этих обидных слов Геро закусила губу и опустила глаза, глядя себе на руки, сложенные на коленях. Она была рада, что руки у нее хотя бы не дрожат. Зато внутри все дрожало. Неужели ей не все равно, что этот человек приравнял ее к глупым и жалким сплетникам?

Карета дернулась и остановилась. Они находились у начала Мейден-лейн. Геро взглянула на Рединга – он, в свою очередь, задумчиво смотрел на нее из-под полуопущенных век.

– В любом случае это не важно, – сказал он.

– Что не важно?

– То, что у меня репутация распутника и обольстителя невиннных… в том числе жены моего брата. – Он устало махнул рукой, словно это действительно не имело для него никакого значения. – Я все равно не допущу, чтобы вы рисковали своей хорошенькой головкой, разъезжая по Сент-

Джайлзу. Либо вы позволите мне сопровождать вас и оберегать, либо я пойду к Уэйкфилду и Томасу. Выбирайте.

Он спустил на глаза шляпу и скрестил руки на груди, словно собирался подремать.

Геро смотрела на него в полном недоумении, но Рединг не сдвинулся с места. Очевидно, он ничего больше не скажет.

Дверь кареты распахнулась, и Джордж, один из двоих крепких кучеров, которых она выбрала для этой поездки, с любопытством заглянул в карету.

– Миледи?

Она повернулась к Рединг и кашлянула:

– Я собираюсь осмотреть строительный участок.

Рединг не пошевелился.

Что ж, хорошо! Она не станет сидеть и ждать ответа от этого грубияна. Геро встала и выбралась из кареты с помощью Джорджа.

Приподняв юбки, она пошла по Мейден-лейн к тому месту, где строился приют. А когда приблизилась, ее худшие страхи подтвердились – строительный участок выглядел голым и безжизненным. Геро опустила юбки и нахмурилась.

Джордж переминался с ноги на ногу.

– Мне посмотреть, есть тут кто-нибудь, миледи?

– Да, посмотри. – Геро была благодарна ему за помощь.

Джордж ушел, а она вздохнула. Дом получился бы замечательным… если только его когда-нибудь достроят. Они скупили дома вокруг обломков сгоревшего дома. Теперь фун-

дамент и фасад того, что могло стать красивым кирпичным зданием, заняли бы большую часть одной стороны улицы. Геро повернулась и посмотрела на другую сторону. Дома стояли так близко, что казалось, будто они подпирают друг друга. Деревянные стены, осыпающийся кирпич, покосившиеся верхние этажи, опасно нависающие над узкой улицей… Чудо, что все эти дома еще не рухнули.

– Миледи, – к ней подошел Джордж, а с ним – неопрятного вида человек. – Вот только его я и смог найти, – сказал Джордж. – Утверждает, будто он здешний сторож.

Геро с удивлением взглянула на тощую фигуру в грязном пальто синего цвета. Он держал в руке наполовину объеденную корку хлеба.

При виде Геро сторож стянул с головы рваную плоскую шляпу и так низко поклонился, что его седые длинные волосы почти задели землю.

– Миледи, – произнес он.

– Как ваше имя?

– Пратт. – Он прижал шляпу и кусок хлеба к груди и смотрел на нее с благоговейным выражением.

Геро вздохнула:

– А где рабочие, мистер Пратт?

Сторож скосил глаза, потом закатил их наверх.

– Право, не знаю, миледи. Я уверен, что они скоро вернутся.

– А мистер Томпсон?

– Я его давно не видел. – Пратт пожал плечами и откусил кусок хлеба.

Геро сжала губы и отвернулась от него. Мистер Томпсон был архитектором нового приюта и отвечал за строительство. Когда все еще только обсуждалось, он представил прекрасный подробный чертеж дома. Они с леди Кэр остались им очень довольны. Однако когда началось строительство, мистера Томпсона как будто подменили. На него уже нельзя было положиться. Куда-то подевались кирпичи, которые он якобы заказал. Их доставка постоянно откладывалась, а рабочие разбежались.

Леди Кэр задержала свой отъезд на континент, пока не заложили фундамент. В тот момент казалось, что худшее позади. На стройке появился кирпич, наняли новых рабочих. Мистер Томпсон рассыпался в извинениях и заверениях. Однако спустя месяц после отъезда леди Кэр дела снова пошли из рук вон плохо. Строительство продвигалось медленно, отчеты о расходах, которые представлял мистер Томпсон, Геро не удовлетворяли. А когда она задавала конкретные вопросы, он либо отвечал как-то неопределенно, либо вообще не отвечал.

А сейчас в середине дня на стройке нет ни одного человека!

– Благодарю вас, мистер Пратт, – сказала Геро и повернулась, собираясь идти обратно к карете. – Разве может один человек сторожить такой большой участок? – тихо спросила

она Джорджа.

Джордж сначала опешил от того, что его мнением интересуются, а затем почесал подбородок:

– Нет, миледи, не думаю.

Геро кивнула. Джордж лишь подтвердил ее собственные опасения.

Она должна нанять дополнительных сторожей, и поскорее, если ничего другого сделать не сможет.

Она думала, что Рединг ее покинул, но когда вошла в карету, то увидела, что он сидит, привалившись к спинке сиденья все в той же позе, в какой она его оставила почти час назад. Она села, карета двинулась вперед.

На Рединге были довольно поношенный коричневый фрак и жилет бутылочного цвета, темно-коричневые брюки. Длинные ноги заняли почти все место между сиденьями, и потертые сапоги оказались у нее под сиденьем. Черная шляпа по-прежнему была надвинута на глаза, и Геро только сейчас заметила давно не бритую щетину у него на скулах. Он не пошевелился, и когда она вошла, и когда карета тронулась. И тут Геро услышала слабый храп. Взгляд ее упал на его приоткрытый рот. Во сне нижняя губа казалась полной и… чувственной, особенно в сочетании с темной щетиной вокруг рта.

Геро поспешно отвернулась.

– И что вы решили? – вдруг спросил Рединг, а она от неожиданности вздрогнула. Выходит, он все это время при-

творялся спящим?

Гриффин сел и лениво потянулся, потом выглянул в окно.

– Едем обратно?

– Да.

– И как у вас обстоят дела?

– Хуже, чем я думала. – Геро помолчала. – Архитектор, судя по всему, скрылся.

Его это, видно, не удивило.

– А как насчет моего предложения?

– Вы хотите сказать – шантажа?

Он пожал плечами:

– Называйте это как хотите, но я стою на своем. Вы будете ездить со мной, либо вообще не будете ездить.

Геро опустила глаза на сложенные на коленях руки и сжала пальцы в кулаки. Она не сомневалась в том, что он действительно все расскажет и брату, и жениху, если она не согласится на «сделку». Мэндевилл будет недоволен, однако именно Максимус положит конец ее поездкам в приют и, возможно, запретит ей быть патронессой. Геро слушалась брата во всем, но не в этом случае. Она вспомнила маленькие трогательные лица, когда дети старательно пели гимн, специально выученный для нее.

Геро подняла голову. Рединг наблюдал за ней с таким видом, словно читал ее мысли.

– Зачем? – спросила она.

– Что зачем?

– Зачем столь неожиданное беспокойство о моей особе? Почему вы хотите заключить эту сделку?

Она ожидала, что он разозлится, но этого не произошло – Гриффин с еле заметной усмешкой снова привалился к мягкой спинке сиденья.

– Вы непредсказуемая женщина, леди Совершенство. Возможно, мое доброе сердце призывает меня спасать безрассудных дам.

– Я вам не верю.

– Вполне разумно. – Он насмешливо смотрел на нее.

Геро выглянула в окно. Какой у нее выбор, если она хочет продолжать свои визиты в приют?

– Хорошо. – Она повернулась к нему. – Вы можете поехать вместе со мной в следующий раз, когда я соберусь в Сент-Джайлз.

– Согласен. – Он зевнул, затем привстал, чтобы постучать в крышу кареты. – Вы можете послать записку ко мне домой в любое время, когда пожелаете. Номер тридцать четыре на Голден-сквер.

– Разве вы не живете в Мэндевилл-Хаусе, когда приезжаете в Лондон? – удивилась Геро.

– Нет. – Губы у него скривились.

Карета остановилась, и он уже в двери повернулся и сказал:

– Я буду у вашего дома завтра в девять утра.

– Но я не собиралась так скоро опять ехать в приют.

– Я думаю, что смогу решить ваши проблемы с архитектором, – пояснил он. – Ровно в девять. Договорились?

Зеленые глаза пронзили ее, и все, что она смогла, это молча кивнуть.

– Хорошо, – произнес он, выскочил из кареты и захлопнул дверцу. Карета рывком двинулась вперед.

Геро с облегчением выдохнула и в первый раз за всю дорогу спросила себя: «А что Рединг делал в Сент-Джайлзе?»

Геро, нервничая, спустилась по ступеням лестницы. Девять утра – это немыслимо ранний час для поездок любой светской дамы, и кузина Батильда этого не одобрит. И ей просто повезет, если ее не увидят в обществе пресловутого будущего деверя. Оглядев улицу, Геро никого не увидела.

Совсем никого.

У нее даже поникли плечи. Ей придется отпустить карету, поджидавшую перед домом. Да и чего ждать от повесы и распутника? Утренние прогулки с респектабельными дамами, вероятно, не в его правилах.

– Ждете меня?

Мужской голос прозвучал прямо у Геро за спиной, и она от неожиданности вскрикнула и чуть не подскочила. Она сердито посмотрела на Рединга. Он выглядел неопрятным и взъерошенным.

– Вы снова где-то разгуливали всю ночь? – не подумав, спросила она, а когда опомнилась, то краска залила ей шею.

Гриффин засмеялся и помог ей сесть в поджидавшую карету.

– Разумеется. Распутники не спят по ночам, а занимаются более интересными делами.

Геро ничего на это не ответила и опустилась на подушки сиденья. Странно, но, хотя его слова ужасно раздражали, она ощутила… радостное волнение от того, что он все-таки появился, как они договаривались.

– А вы, наоборот, – сказал Рединг, усаживаясь напротив, – выглядите свежей и отдохнувшей. Прелестная утренняя лилия.

Она недоверчиво на него взглянула. То, что можно было расценить как комплимент, в его устах прозвучало как оскорбление.

А Гриффин улыбался как ни в чем не бывало во весь свой большой рот, от чего на щеках у него залегли глубокие складки. Щетина на скулах казалась еще темнее от белого парика.

– А вы с успехом могли бы позировать для гравюры с предостерегающим названием «Распутник», – заметила она что ни на есть нежным голосом.

Рединг расхохотался:

– У моей лилии есть шипы, оказывается.

– У лилии нет шипов, и в любом случае я не ваша лилия.

– Конечно, нет. Вы просто моя дорогая будущая сестрица.

Геро собиралась его одернуть, снова попросить не называть ее своей сестрой, но потом поняла, что любое возраже-

ние с ее стороны скорее всего подтолкнет его к еще более вызывающему поведению. Поэтому она лишь вздохнула и поинтересовалась:

– Куда мы едем?

Рединг вытянул ноги, и его башмаки задели подол ее шелкового утреннего платья бледно-желтого цвета.

– У меня есть старый приятель. Хочу вас с ним познакомить.

– Зачем?

– Он архитектор.

– В самом деле? – удивилась Геро. – Где вы его встретили?

Он бросил на нее сердитый взгляд.

– Я раз от разу общаюсь с приличными людьми.

– Я не…

Рединг отмахнулся от ее извинений.

– Я познакомился с Джонатаном Темплтоном в Кембридже.

– Говорили, что вы ушли оттуда, проучившись только год.

– Вы назвали меня легкомысленным, – напомнил ей он, – но не все, с кем я учился в университете, были такими же безответственными. Отец Джонатана – священник с крайне скудными доходами. Ему удалось попасть в Кембридж исключительно потому, что друг их семьи взял на себя расходы по обучению Джонатана. А он отплатил ему за доброту тем, что с утра до ночи усердно занимался.

Геро, склонив голову набок, спросила:

– А что вы изучали в Кембридже?

Он хмыкнул:

– Хотите сказать, помимо шлюх и выпивки?

На этот раз она не попалась на крючок.

Рединг опустил голову и, помолчав, с улыбкой сказал:

– Не поверите – классическую историю.

– И вам это нравилось?

Он пожал плечами:

– Вероятно, не настолько, чтобы остаться там.

– Я читала Геродота[5] на греческом, – вдруг призналась Геро.

Он поднял на нее глаза:

– На самом деле? Вот уж не знал, что нынче греческий входит в курс обучения дебютанток.

– Конечно, не входит. – Зачем она это ему говорит? Геро уставилась себе на руки, сложенные на коленях. Ей надо следить за своим языком!

– Что вы думаете о его описании Египта? – спросил он.

Она искоса посмотрела на него. Он шутит или серьезно? Кажется, серьезно. Поколебавшись, Геро сказала:

– Я думаю, что их погребальные обряды просто отвратительны.

Гриффин улыбнулся, и в уголках его глаз появились морщинки.

---

[5] Древнегреческий историк, прозванный «отцом истории» (между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.).

– Но это завораживает, не так ли? Когда трупы обмазывают миррой и ладаном.

Геро вздрогнула:

– Вы считаете, что его свидетельства правдивы? Многое из того, что он описывает, кажется фантастическим.

– Например, Арион, играющий на арфе и сидящий на спине дельфина?

– Или крылатые змеи, которые охраняют ладанные деревья на Аравийском полуострове?

– Или гигантские муравьи, которые преследуют верблюдов?

– Муравьи, преследующие верблюдов? – Геро наморщила лоб. – Я не помню, чтобы читала об этом.

– Не может быть, чтобы вы это пропустили. – Он улыбнулся. – Это про Индию.

– О, конечно. Муравьи, которые выкапывают золото.

– Именно они. Старик Геродот умел занимательно излагать разные истории о чудесах на белом свете. Кто может доказать, что египтяне в действительности не набивали тела своих умерших праотцов миррой? Или что в Индии не существовало гигантских лохматых муравьев, наводивших ужас на верблюдов?

– Вы не можете не признать, что это маловероятно.

– Я ничего такого не собираюсь признавать, миледи. – На его губах играла улыбка. – Вы читали Фукидида[6]?

---

[6] Древнегреческий историк (ок. 460–400 до н. э.).

– Нет, не читала. – Геро снова опустила глаза. – Учителю, который учил меня греческому, пришлось уехать из-за плохого здоровья. Тот, кто его заменил, не одобрял моих занятий греческим. Для леди намного важнее знать французский. Помимо этого мне давали уроки танцев, пения и рисования. Приходится многому учиться перед светским дебютом.

– А! Вам нравится рисовать?

– Я это ненавижу, – честно призналась она.

– У меня где-то есть книжка Фукидида. Хотите, дам вам почитать?

– Я не… – Она замолчала и посмотрела на него. Ей следует отказаться. Дальнейшее общение с Рединг ом наверняка чревато неприятностями. С нее хватит и того, что происходит сейчас. Он понял, о чем она подумала, и улыбка исчезла с его лица. И тут у Геро вырвалось: – Да. Пожалуйста. – Она сама не знала, как она это произнесла.

И снова широкая улыбка осветила его лицо.

– Замечательно.

Карета остановилась, Рединг посмотрел в окно и сказал:

– Мы приехали.

Он помог ей выйти. Геро оказалась перед скромным, опрятным городским домом. Рединг постучал в дверь.

– Еще очень рано для визитов, – зашипела на него Геро.

– Не беспокойтесь. Он нас ждет.

И на самом деле дверь открылась, и появился молодой че-

ловек в строгом коричневом парике и круглых очках.

– Милорд! – Он искренне и радостно заулыбался. – Как мне приятно вас видеть.

– И мне тоже, Джонатан. – Лорд Гриффин пожал ему руку. – Леди Геро, это мой друг мистер Темплтон. Джонатан, это леди Геро.

– Господи! – воскликнул мистер Темплтон, немного растерявшись. – Миледи, я понятия не имел, что лорд Гриффин привезет ко мне столь знатную даму. Я хочу сказать… что рад познакомиться с вами, миледи.

Геро кивнула ему, еще раз подумав о том, как ей мешает ее положение в обществе. И подавила вздох.

Мистер Темплтон смущенно огляделся.

– Не будете ли столь любезны войти?

Она приветливо улыбнулась ему, стараясь смягчить неловкость.

– Благодарю вас.

Их провели в маленькую гостиную с небогатой и скудной мебелью.

– Сейчас подадут чай, – сказал мистер Темплтон. – Надеюсь, вы не будете возражать, миледи?

– Это было бы чудесно.

Геро опустилась в кресло с прямой спинкой, а Рединг подошел к единственному книжному шкафу и стал изучать полки.

Мистер Темплтон бросил взгляд на приятеля и, преодо-

левая смущение, произнес:

– Лорд Гриффин предупредил, что вы желаете посоветоваться со мной относительно строительства.

– Да. – Геро сложила руки на коленях и рассказала про приют для обездоленных младенцев и подкидышей, про планы построить новый дом и о том, с какими трудностями она столкнулась.

Когда она закончила, принесли чай, и Рединг отошел наконец от книжного шкафа.

– Что скажешь, Джонатан? – спросил он, взяв из рук Геро чашку. – Архитектор, которого они наняли, никуда не годится.

Мистер Темплтон поднял очки на лоб и потер переносицу.

– Мне не по душе злословить о собрате архитекторе, но я слышал кое-что нелицеприятное об этом человеке. – Он виновато посмотрел на Геро. – Ходили слухи, будто он убрался из страны из-за долгов.

У Геро перехватило дыхание. Если их архитектор действительно скрылся, тогда она и леди Кэр потеряли деньги, уже заплаченные за строительство. У нее, конечно, есть наследство, но оно поступает в виде ежегодного дохода, а то, что ей причиталось в этом году, она уже получила. Где она достанет еще денег?

– Джонатан, ты сможешь помочь леди Геро? – спросил Рединг.

– Да, да, конечно, я смогу. – Мистер Темплтон отставил

чашку с чаем. – Я посмотрю план, чтобы понять, какую работу необходимо произвести, и с вашего согласия займусь этим строительством.

– Это было бы замечательно, мистер Темплтон, – сказала Геро. – Но я должна откровенно признать, что в связи с тем, что второй патронессы нет сейчас в Англии, мои финансовые возможности ограничены. Я могу заплатить вам какую-то сумму прямо сейчас, но остальные положенные вам деньги… Вам придется подождать, пока я не найду нужной суммы.

Мистер Темплтон кивнул:

– Благодарю вас за откровенность, миледи. Может, я начну работу, а когда мне понадобятся еще деньги, я вам сообщу?

– Да, это приемлемое решение. – У нее появится время обдумать, где достать деньги. Геро встала. – Я пришлю вам чертежи, а также точное местоположение дома. Благодарю вас, мистер Темплтон.

Он поспешно встал и поклонился:

– Я рад быть вам полезным, миледи.

Он проводил их обоих до двери. Лорд Гриффин попрощался с ним и помог Геро сесть в карету.

– Где вы найдете деньги? – спросил Рединг.

– Пока не знаю.

– Как насчет небольшой суммы в долг?

Геро этого не ожидала.

– Вы же знаете, что я не могу принять от вас деньги.

– Почему нет? – мягко спросил он. – Я никому не скажу. Это останется сугубо между нами. Вы отдадите мне долг, когда сможете.

У Геро приоткрылся рот. Она будет в его власти, если он даст ей в долг деньги… Какую цель он преследует? Любопытно.

– Почему вы предлагаете мне это?

– У вас есть возражения?

– Вы меня совсем не знаете. Я даже не уверена, что нравлюсь вам. И я не понимаю причины, по которой вы делаете это предложение.

Гриффин пристально посмотрел на нее, склонив набок голову.

– По-моему, это очевидно. У меня есть деньги, а вам они нужны.

– Вы делаете подобные предложения любой нуждающейся в деньгах даме? – Геро покраснела в тот же момент, как только слова вылетели у нее изо рта, – она поняла их двойное значение. Но тем не менее глаз не отвела. Может, он обратит все в шутку?

Но он этого не сделал и ответил ей раздраженно:

– Нет, разумеется.

А она продолжала на него смотреть.

Вдруг Рединг наклонился вперед, положив локти на колени.

– Я умею делать деньги. В этом отношении можете мне доверять. Я не мошенничаю. И не краду. Когда вопрос касается денежных сделок, вы можете положиться на меня.

Его слова тронули Геро – они прозвучали как признание… как исповедь, словно он делился с ней чем-то глубоко личным.

И все же… она знакома с этим человеком менее сорока восьми часов. Практичность одержала верх.

– Я высоко ценю ваше щедрое предложение, – сказала она, – однако думаю, что должна от него отказаться.

Рединг понимающе кивнул, будто ждал такого ответа, и снова откинулся на сиденье.

– Мое предложение остается в силе, если вы передумаете.

Геро неожиданно сделалось легче на душе, хотя она и отказалась от его денег. Рединг – на ее стороне. Она больше не одинока в своих благотворительных устремлениях.

– Я ведь не поблагодарила вас?

Гриффин с улыбкой покачал головой.

Она сделала вдох, сознавая, что глупо улыбается.

– Что ж, я благодарю вас. Мистер Темплтон производит впечатление знающего архитектора и, что не менее важно, честного. Я бы никогда не нашла его без вас.

Гриффин пожал плечами:

– Был рад услужить.

– Но у меня остался один вопрос к вам.

– Только один?

– Почему вчера утром вы оказались в Сент-Джайлзе?

Если она ожидала, что он смутится или станет отрицать какие-либо свои неприглядные деяния, то получила в ответ совсем другое. Рединг усмехнулся и постучал в крышу кареты, чтобы кучер остановился.

– Я был в Сент-Джайлзе по делу, – сказал он, когда карета остановилась. Он открыл дверцу и оглянулся на нее через плечо. – По очень, очень нечестивому делу.

Он спрыгнул вниз и приложил руку к шляпе.

– Желаю приятного утра, леди Совершенство.

Он захлопнул дверцу, и карета поехала дальше.

Геро откинулась на мягкую спинку и прошептала:

– И вам того же, лорд Бесстыдство.

Глава 5

Да, это оказалось трудной задачей! Ибо королева Черновласка доверяла – и в то же время не доверяла – своим советникам, министрам и ученым мужам. Всем в равной степени.

Как выбрать из троих принцев того, кто сможет стать идеальным мужем? Несколько дней королева провела в раздумьях, а потом объявила подданным о своем решении. Она пригласит всех троих принцев в свой замок и там подвергнет их испытаниям, чтобы понять, кто же ее идеальный избранник, с которым она пойдет под венец.

Придворные были в восторге.

А старший конюх, стоявший неподалеку, молчал…

Из сказки «Королева с черными как вороново крыло волосами»

Первое, что заметил Гриффин, когда вечером вошел в Мэндевилл-Хаус, это обилие свечей. Двое лакеев и дворецкий бросились к нему, чтобы забрать у него шляпу. Все указывало на то, что мать решила превратить семейный обед в прием.

Гриффин вздохнул.

Обед в кругу семьи и безо всей этой помпезности был достаточно утомительным событием.

– Миледи уже сели за стол, – сообщил дворецкий, сумев

своим тоном выказать и почтение Гриффину, и неодобрение.

– Разумеется, – пробурчал Гриффин. Мало того что ему предстоит вынести обед с Томасом и его безупречной невестой, так на этот обед он еще и опоздал.

Он подавил зевок, поднимаясь следом за дворецким в столовую. Несколько часов сна, которые он смог себе позволить после того, как оставил леди Геро в карете, оказались явно недостаточными. Проснувшись, он едва успел переодеться к обеду, понимая, что все равно опоздал.

– Лорд Гриффин Рединг, – объявил дворецкий, как будто кто-то из сидевших в комнате не был с ним знаком.

– Ты опоздал, – сказала Кэролайн, старшая из двух его сестер. Каро всегда получала непонятное удовольствие, заявляя очевидное. Многие находили ее красивой, однако Гриффин считал, что скверный характер перевешивает красоту блестящих темных локонов и больших карих глаз. – Где ты был?

– В постели, – кратко ответил он и направился к матери, остановившись, чтобы ласково коснуться круглой щечки Маргарет, своей младшей сестры. – Как дела, Мегс?

– Гриффин, я без тебя скучала, – улыбнулась ему она. Двадцатидвухлетняя Мегс была любимицей Гриффина.

Он улыбнулся в ответ и прошел к концу длинного стола, за которым уже сидело семь человек: в одном конце Томас с леди Геро по его правую руку и Каро по левую; мать в другом конце. Рядом с ней Уэйкфилд и лорд Хафф, муж Каро;

Мегс сидела между Каро и Уэйкфилдом. Последний, пустой, стул стоял между Хаффом и леди Геро. На ней было неяркое зеленое платье, оттенявшее рыжие волосы, походившие в свете свечей на язычки пламени.

Гриффин наклонился и поцеловал мать в щеку.

– Добрый вечер, mater.

– Ни к чему хвалиться своими оргиями, – фыркнула Каро.

Гриффин поднял брови:

– Есть чем похвалиться, если я скажу, кто был со мной в постели.

– Пожалуйста, избавь нас от подробностей, – оборвала его Каро.

Гриффин встретился взглядом с матерью – она смотрела на него с шутливо-серьезной улыбкой.

– Не надо дразнить сестру, – еле слышно произнесла она.

– Но ведь это так легко сделать, – также тихо ответил он и сел на предназначенное ему место.

– Ты пропустил рыбу, – сообщил Хафф, его зять, дородный коротышка. Каро унаследовала высокий рост Мэндевиллов и была на несколько дюймов выше мужа, что ее страшно угнетало, чего нельзя сказать про Хаффа – он, кажется, этого вовсе не замечал. Вообще-то Хафф не замечал многого из того, что делала его жена. Тем не менее он любил Каро – по-своему, – и Каро была вполне счастлива в браке с Хаффом – одним из самых богатых людей в Англии.

– Рыба была вкусной? – шепотом осведомился Гриффин.

– Треска, – ответил Хафф, решив, что этим все сказано.

– Понятно. – Гриффин сделал глоток красного вина. Обмен любезностями с зятем на этом закончился, и ему не оставалось ничего другого, как повернуться к леди Геро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.